

ОЛЕГ
АГРАНЯНЦ

ТАК ГОВОРЯТ ПЕСТАЛОЦЦИ

Мефистофель возвращается

Олег Агранянц

Так говорил Песталоцци

«Accent Graphics communications»

Агранянц О.

Так говорил Песталоцци / О. Агранянц — «Accent Graphics communications», — (Мефистофель возвращается)

Евгений – значит благородный. Любимое имя Пушкина. И неслучайно героя романа Олега Агранянца тоже зовут Евгений. Да, он благороден и честен, порой даже немного наивен. И эти его черты удивительно точно сочетаются с тайной – своеобразным знаком Зодиака Евгения Лонова. Он на службе у ее величества Тайны и призван как можно шире открывать ее завесы, срывать ее покровы, постигать ее глубины, ибо он – служитель разведки конца XX века. Однако он настолько обаятелен и самобытен, настолько человечен и остроумен, что ни в какие привычные рамки образа разведчика не вписывается. Он царит в мире приключений, очаровывает женщин и очаровывается ими, идет по загадочному следу и выступает в роли режиссера и главного исполнителя небольших спектаклей, призванных нокаутировать противников... Он хитрец, фантазер и мастер своего дела. А именно таких любит ее величество Тайна. Женщина по природе, подлинная интриганка, она благоволит к тем, кто умеет найти к ней свой подход. И дарит им разгадки. Хотя Евгению Лонову даются они не так уж просто, зато как изумителен вкус победы! И. Лобановская

© Агранянц О.

© Accent Graphics communications

Содержание

Глава первая. Андропов	6
1. Кабинет на Старой площади	6
2. Хорхе дель Прадо	10
3. Семицветов	12
Часть первая. Ценные породы дерева и ценные породы людей	14
Глава вторая. Яунде – столица Камеруна	14
4. Бук и тис	14
5. Котомцев и его сказки	15
6. Немецкий ювелир	17
7. Тихая посольская жизнь	19
8. Воскресенье и в Африке воскресенье	20
9. Посещение оргкомитета	23
10. Песталоцци и Мессалина	25
Глава третья. Конгресс как средство времяпровождения	28
11. Гретхен и Кафка	28
12. Как братъ Бастилию	29
Глава четвертая. Урочище буревестников матриархата	32
13. Игра в полные рифмы	32
14. О пользе частного извоза	35
Часть вторая. Замок баронессы Морнингтауэр	39
Глава пятая. Времена меняются, люди остаются	39
15. Снова «Мефистофель»	39
16. «Веселая Амазонка»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Олег Агранянц
Так говорил Песталоцци
(третья книга трилогии
«Мефистофель возвращается»)

Об авторе

Родился в Москве. Закончил Московский Университет. Работал в Министерстве иностранных дел СССР. В конце восьмидесятых переехал с семьей на постоянное местожительство к тете в Новый Орлеан. До ухода на пенсию работал в Государственном департаменте США.

*Во все времена мужчины защищали свое общество, а женщины защищали свою семью.
Иоганн Генрих Песталоцци.*

Началась эта история весной 1980 года

Глава первая. Андропов

1. Кабинет на Старой площади

Зазвонил телефон. Андропов бросил взгляд на маленький столик с телефонными аппаратами. Их было одиннадцать, различных цветов и размеров. Одни из них были устроены так, чтобы мигать, другие гудеть, а самые важные – звонить. Этот звонил. На нем, рядом с позолоченным гербом, была табличка: тов. Суслов М.А.

Аппарат был серого мышиного цвета, со звонком пронзительным, дребезжащим. «Как сам Суслов», – поймал себя на мысли хозяин кабинета. Он вздохнул и поднял трубку.

– Не оторвал от работы? – скрипучий голос с характерным оканьем был размерен. – Позвоню попозже.

Андропов знал, что Суслову можно сказать: «Извините, у меня совещание». Тот не обижался и звонил позже. Однако, решив, что откладывать неприятности на «потом» не следует, отчеканил:

– Текучка, Михаил Андреевич, текучка.

Спокойно, даже весело отвечая на вопросы о здоровье детей, жены, о себе, Андропов старался по тону собеседника догадаться, что тот ему приготовил.

– К нам не собираетесь, на Старую площадь?

Именно это меньше всего ему и хотелось услышать.

«Сейчас попросит зайти», – подумал он. И тут же:

– Если выберете время, загляните ко мне.

Андропов любил здание ЦК партии. Больше двадцати лет назад, он, к удивлению для самого себя и коллег из МИДа, в один прекрасный день превратился из отставного посла, слоняющегося без дела по мидовским этажам, в заведующего отделом ЦК и занял кабинет на четвертом этаже с видом на памятник героям Плевны. С тех пор у него оставались теплые, домашние чувства к этому дому; теперь из окна своего кабинета Председателя КГБ ему был виден только краешек здания ЦК партии, и он частенько поглядывал на него.

Новый вход в ЦК со двора, для начальства, он не признавал и всегда просил подвозить себя к официальному подъезду. Большая тяжелая машина сделала круг у памятника Дзержинскому и плавно въехала в аллею со знаком «Въезд запрещен».

В последние годы он старался не смотреть на себя в зеркало: землистый цвет лица, тяжелые коричневые мешки под глазами – все это напоминало ему о болезни. Подчиненные знали об этом, и на пути от кабинета до машины зеркал не было. Но в старом лифте в ЦК висели большие зеркала. И здесь он проверял, как выглядит; надеялся на изменение к лучшему, но никогда не соблазнялся самоутешением.

Однако сегодня вроде бы все было неплохо. Он определял приближающийся приступ по походке; тогда она становилась грузной, и он с трудом передвигал ноги. Сегодня даже три крутых ступеньки у входа не показались ему высокими. И настроение было хорошее. «Сейчас испортит», – думал он, входя в приемную Суслова.

Седой, невзрачного вида секретарь сразу же пропустил его в кабинет.

– Не бережете себя, Михаил Андреевич, – весело начал он. – Ни в приемной, ни в коридоре «девятки» нет.

– От моего кабинета до улицы, до народа – только два охранника: секретарь да внизу, у входа, ваш сотрудник. Надо быть ближе к народу, к людям, ради которых мы с вами и трудимся.

«А ведь он говорит это всерьез», – подумал Андропов. – И вспомнил слова Брежнева, сказанные лет пять назад: «Мишка у нас последний живой марксист остался».

Суслов встал, подошел к гостю, пожал руку. Они сели в большие старые неудобные серые кресла.

В кабинете пахло лекарством. Это раздражало Андропова. Раздражали его и тяжелые, неопределенного цвета, выглядевшие полинявшими шторы, и старомодная лампа с ярко-зеленым стеклянным абажуром на письменном столе. Когда через полтора года Андропов станет хозяином этого кабинета, он сразу же распорядится на три дня открыть окна, поменять кресла, шторы, лампу. Он просидит здесь только шесть месяцев и уйдет этажом выше, в кабинет Генерального секретаря.

– Почему некоторые ваши товарищи помогают маоистам? – мягко и незлобно начал Суслов.

– Этого не может быть, – спокойно и твердо возразил гость.

– Вчера у меня был товарищ Хорхе дель Прадо. И он...

Андропов знал, что в Москве проходит совещание руководителей компартий стран Латинской Америки и все они уже побывали у Суслова. Был и Хорхе дель Прадо, секретарь компартии Перу.

Суслов вынул из стола небольшую записную книжку, перелистал несколько страниц.

– Недавно комиссия конгресса Перу опубликовала данные, касающиеся деятельности, связанной с наркотиками, бывшего руководителя национальной безопасности и помощника президента Владимиром Монтесиносом. Ваши люди имели с ним дело?

– Мы помогаем коммунистическим партиям, используя разные каналы, – уклончиво ответил Андропов.

– Чем вы конкретно помогали Монтесиносу?

– Наши люди закупили в Европе несколько химических лабораторий.

– Вы знали о происхождении денег, которыми он с вами расплатился?

– Да. Иногда мы получаем деньги, может быть, связанные с продажей наркотиков, кладем их в европейские банки и на них покупаем нужное нашим товарищам оборудование. Но на этот счет мы имеем согласие Центрального комитета.

– Я знаю, – кивнул головой Суслов.

Согласие действительно было. Раньше Хрущев был категорически против любых контактов с наркоторговцами. С Брежневым было проще. Он сразу же согласился.

– Что за лаборатории вы покупали?

– Обстановка в Латинской Америке меняется быстро. Возникают проблемы, каких раньше не было, – начал издалека Андропов. Он знал, что Суслов любит доскональный доклад. – Сейчас в Колумбии, Венесуэле и Перу происходит замена плантаций коки на опийный мак.

– Зачем? – удивился Суслов. – Насколько мне известно, в этих районах преимущественно употребляют кокаин. Кроме того, кокаин идет через Мексику в Америку. Зачем им менять кокаин на героин?

– Героин дороже.

– Они хотят составить конкуренцию героину из Азии?

– В перспективе да.

– И у них есть возможности?

– Да. Во-первых, они имеют в своем распоряжении целую армию левых повстанцев, которые защищают плантации опийного мака, лаборатории и дороги, по которым перевозятся наркотики.

- Только не называйте их левыми и армией. Это бандитские группировки.
- Но они держат под ружьем пятнадцать тысяч хорошо подготовленных людей и вооружены самым современным оружием.
- Вот еще один пример срачивания преступников с так называемыми левыми партизанами.
- Для многих в Латинской Америке это – партизаны, это – революционная армия.
- Хорошо, это – во-первых. А во-вторых?
- Во-вторых, потенциальная возможность получения крупной прибыли делает торговлю героином очень заманчивой. Так один килограмм героина может быть куплен в Колумбии за шесть тысяч долларов США, а продан в Нью-Йорке или в Лондоне по цене в двадцать раз выше.
- Значит, их основной рынок – США и Европа.
- Да. И в-третьих. Латиноамериканские наркоторговцы уже давно проникли на рынок наркотиков в Северной Америке и в Европе, поставляя туда свой кокаин. Они владеют на местах высокоэффективной, хорошо организованной и обладающей большим опытом сетью распределения кокаина, поэтому для них не составляет большого труда заменить кокаин героином. И в-четвертых, расстояние, через которое они должны перевозить наркотики, гораздо меньше, чем расстояние, через которое должны перевозить наркотики их конкуренты из азиатских стран. Так, для того чтобы доставить героин из Колумбии в Соединенные Штаты, нужно преодолеть путь в восемь раз меньший, а в страны Европы в три раза меньший, чем путь туда же из азиатских стран. Это означает скорейшую доставку, меньшее количество посредников и меньшие расходы на транспорт. Основная трудность состоит в том, что им необходимы небольшие химические лаборатории для переработки мака в героин на местах.
- И ваши сотрудники получали наличные деньги, за которые приобретали в Европе химические лаборатории?
- Да.
- Это специальные лаборатории?
- Нет. Это типовые лаборатории для средних школ.
- И вы помогали им через Монтесиноса?
- Да.
- Знаете ли вы, что этот Владимир Монтесинос связан с «Сияющей тропой»?
- Ах, вот в чем дело! Этого Андропов не знал. То, что советник президента Перу Монтесинос связан с «Сияющей тропой» – так называли перуанскую маоистскую организацию – он не знал. Но догадался, что сведения эти Сулов получил от Хорхе дель Прадо, и поэтому возражать было бесполезно.
- Мы действительно имели контакты с Владимиром Монтесиносом, бывшим советником президента Перу, – продолжал Андропов. – Мы знаем, что после восьми месяцев нахождения в бегах он был недавно арестован. Но, насколько нам известно, на допросах он отрицал всякие связи с нами. Кроме того, они были незначительны и носили чисто коммерческий характер.
- Это верно. Перуанские власти не знают о его контактах с нами. А Гусман и его друзья из «Сияющей тропы» знают. И они не упустят случай обвинить нас в помощи наркоторговцам. Сколько человек имели контакт с этим Монтесиносом?
- Только один наш сотрудник.
- Только один?
- Один. Мы его уберем из Латинской Америки.
- Правильно. Очень правильно. И воспользуйтесь тем, что Хорхе дель Прадо сейчас в Москве. Обговорите с ним дальнейшую работу по помощи компартии Перу.
- Сулов по мере возможности не допускал Андропова к контактам с лидерами компартий, но в отношении Латинской Америки приходилось делать исключение, ибо по решению Полит-

бюро все контакты с находящимися в подполье коммунистическими партиями и их финансовое обеспечение проходили через Комитет Госбезопасности.

– Надо делать все возможное, чтобы маоисты не знали о наших делах по использованию денег, полученных от продажи наркотиков, – продолжал Суслов.

«Как он хорошо выглядит, – следил за ним глазами Андропов. – Надо же, и волос седых нет, а не красится. Ничто его не берет. Вот Брежнев после операции предстательной железы за какие-то два-три месяца из бонвивана превратился в дряхлого маразматика».

Он вспомнил, как, казалось, еще вчера, веселый, размахивающий сигаретой Брежнев смеялся: «Не поверите, все у меня были, а вот Елены ни одной». И члены Политбюро подшучивали, мол, еще не поздно. А он отвечал, кивая на Суслова: «Да вот Михаил Андреевич не разрешает». А в отсутствии Суслова говорил: «Мишка сам не пьет и людям не дает. Живков упросил дать ему какой-нибудь орден. Думал, хоть за это выпьет. Так ведь не пил. Здоровье бережет».

И здоровье Суслов сберег. В довоенных галошах и теплом кашне при одном только намеке на дождь, в большой «сусловской» шляпе и габардиновом плаще даже в теплый осенний вечер – таким Андропов в первый раз близко увидел его еще в середине пятидесятых, когда тот прилетал к нему в Венгрию.

– Что вы намерены предпринять в отношении этого Монтесиноса?

– Центральный комитет запретил нам физическое устранение...

– Понимаю, понимаю.

Опасаясь за ответные действия в отношении своих родственников, работающих за рубежом, Брежнев дал Андропову указание расформировать группу «Л» – «Ликвидация». Суслов тогда был против. Полностью расформировывать группу «Л» Андропов не стал. Суслов об этом знал, но Брежневу не докладывал.

– Революция должна уметь себя защищать, – назидательно начал Суслов. – Ленин сказал...

Он говорил и одновременно писал. Такого качества Андропов не замечал ни у кого. Особенно злил Андропова всем известный «сусловский» жест, когда тот замолкал, потом левой рукой вынимал из кармана карандаш и, орудуя им как пикой, тоненьким голоском принимался бубнить: «Ленина надо читать внимательно. И не просто читать, а с карандашиком. С карандашиком».

Потом Суслов закрыл записную книжку, и Андропов решил, что самое время перевести разговор на Олимпиаду:

– Британская олимпийская ассоциация решила не бойкотировать Олимпиаду. Это политическое поражение для правительства Тэтчер.

Суслов изобразил улыбку:

– Этого можно было ожидать. Рост безработицы нанес серьезный удар по ее популярности. Ее попытка ослабить инфляцию в рамках монетаристского подхода была изначально обречена на неудачу.

Разговор перешел на подготовку к Олимпиаде.

– Обязательно встретиться с товарищем дель Прадо, – на прощание напомнил Суслов. – И уберите вашего человека из Перу.

Вернувшись в свой кабинет, Андропов попросил секретаря узнать расписание дель Прадо на ближайшую неделю.

– Завтра он будет на совещании у Пономарева. В малом зале политбюро.

2. Хорхе дель Прадо

Участники совещания гуляли по небольшому залу с окнами во двор. Первым, кого увидел Андропов, был Кудачкин, заведующий сектором Латинской Америки. Андропов хорошо знал Кудачкина, относился к нему с большим уважением – Герой Советского Союза, прошел всю войну, брал Берлин.

– У вас перерыв?

– Да.

Андропов по мере возможности всегда старался соблюдать правила служебного этикета и на территории Международного отдела беседовал с генсеками в присутствии сотрудника Международного отдела.

– Не поможете с переводом, Михаил Федорович? – попросил он.

– С удовольствием.

Разговаривая с Кудачкиным, Андропов рассматривал участников совещания. В зале было человек двадцать. У самого входа в зал стоял Пономарев. Он беседовал с человеком среднего роста в темно-сером костюме с выправкой профессионального военного.

– Это Престос, секретарь Бразильской компартии, – подсказал Кудачкин.

Пономарев заметил Андропова и кивнул ему головой. Его предупредили, что тот должен сегодня появиться. Пономарев давно уже смирился с неожиданными появлениями Андропова на совещаниях в Международном отделе ЦК, но о каждом посещении немедленно докладывал Суслову. И каждый раз Суслов его успокаивал: «Юрий Владимирович делает общее дело».

Глядя на независимо держащегося Пономарева, Андропов подумал, что будет, если он доложит Брежневу о том, как его поносят в своих интеллигентских кругах толстые пономаревские дочки.

В это время к ним подскочил веселый неунывающий генсек венесуэльской компартии Хесус Фариа.

«Сейчас будет рассказывать про Петкова», – решил Андропов.

Несколько лет назад трое венесуэльских коммунистов совершили побег из тюрьмы в Сан-Карлосе, прорыв туннель из камеры через площадь в ресторанчик, который держал родственник одного из них, болгарин по происхождению. Этот побег в стиле Монтекристо Фариа теперь вспоминать не любит, потому что болгарин Петков ушел к маоистам. Каждый раз Фариа оправдывался в Москве. Никто его не обвинял, хотя и посмеивались: «Аббат Фариа выбрал не того Монтекристо».

Андропов знал, что венесуэльские товарищи несколько раз пытались ликвидировать этого Петкова, но тот близко к себе не подпускал никого. Кроме женщин. А подходящих женщин у венесуэльских коммунистов не нашлось.

«У нас в подразделении «Л» женщин тоже нет», – отметил про себя Андропов.

Фариа на сей раз говорил о том, что они решили направить в Москву на учебу не двадцать активистов как в прошлом году, а двадцать пять. Из них восемнадцать в возрасте около двадцати лет.

Андропов слушал его и соображал, на кого он похож. Потом понял: на Вертинского.

– Двадцать пять активистов? – переспросил Кудачкин. – Это очень хорошо. Мы их примем в Комсомольской школе.

Закончив разговор с венесуэльским генсеком, Андропов и Кудачкин уже было направились к одиноко стоящему у стены Хорхе дель Прадо, как буквально натолкнулись на Ульяновского.

«Этот что здесь делает? – подумал Андропов. – Он же занимается Африкой».

За Ульяновским шустро передвигались две молодых девицы. О пристрастиях Ульяновского к молоденьким секретаршам Андропову уже докладывали несколько раз. Ульяновский посмотрел на Андропова, надеясь, что тот его заметит. Андропов прошел мимо, и Ульяновский побежал к Пономареву.

Наконец добрались до дель Прадо.

Среднего роста, коренастый, с большими голубыми глазами и обязательно в голубой рубашке, генсек Перу долгое время работал художником. Художницей была и его жена.

– Наши товарищи допустили ошибку. Мы имели дело с Монтесиномсом. Мы не знали, что он связан с движением Гусмана.

– Этот Монтесинос – просто мерзавец.

И дель Прадо начал долго говорить о Монтесиноссе, о других перерожденцах, о том, как лидер «Сияющей тропы» Абимаэль Гусман просто перекупает неустойчивых, о том, что красивая ультралевая фраза привлекает неопытных студентов.

Кудачкин переводил, и Андропов терпеливо слушал. Потом спросил:

– Вы лично знакомы с товарищем Семицветовым?

– Да, да. Я с ним несколько раз встречался.

– Мы его вернем в Москву. К вам приедет другой человек. – И, не дав перуанцу опомниться, продолжал: – Может быть, в будущем, чтобы избежать ошибок, ваши товарищи сами будут указывать нам, с кем иметь дело?

«Сейчас начнет яростно отбиваться», – подумал Андропов и не ошибся. Перуанец начал говорить о сложностях работы в подполье.

Андропов согласился. И в доказательство того, что разговор окончен, перешел на более приятную для перуанца тему.

– Этна Валарде еще в Бразилии? – спросил он.

Этна Валарде – это жена дель Прадо.

Перуанец тоже понял, что разговор о Монтесиноссе закончился, и явно обрадовался. Он весело ответил:

– Нет. Сразу же после путча в Чили она перебралась в Рио-де-Жанейро. А потом уехала в Мексику.

– Работает?

– Она сделала цикл неплохих натюрмортов.

Генсек начал рассказывать о ее работах.

– А вы сами не работаете? – вежливо поинтересовался Андропов.

– Иногда. Так для себя.

Еще несколько слов – и разговор закончился.

Андропов решил, что уходить, не поговорив с Пономаревым, неудобно.

Около Пономарева стоял Ульяновский с девицами. Тот было дал им команду удалиться, но Андропов его остановил:

– Не лишайте меня, Ростислав Александрович, приятной компании.

Вмешался в разговор Пономарев:

– Многие генсеки просят увеличить число слушателей в Комсомольскую школу. Мы думаем согласиться.

– Это правильно, – согласился Андропов, – Что касается коммунистов, то их число можно увеличить. А насчет африканцев... – он посмотрел на Ульяновского. – Надо сделать так, чтобы они не очень контактировали с латиноамериканцами.

Ульяновский хотел возразить, но Андропов попрощался.

3. Семицветов

Вернувшись к себе в кабинет, Андропов поднял трубку телефона «для особой связи». Набрал номер командира подразделения «Л».

- Полковник Волков. Слушаю вас, Юрий Владимирович.
- Сколько нужно времени, чтобы подготовить специалиста для вашей группы?
- От года до трех лет. Все зависит от первоначальной подготовки.
- Для женщин тоже необходимо три года?
- Да. Но женщин у нас нет.

– Знаю. Я хочу добавить в вашу группу пять-шесть женщин. Подготовьте соответствующее предложение. Жду вас завтра. О времени договоритесь с моим помощником.

Потом вызвал секретаря:

– Попросите подготовить для меня отчет о том, как ведут себя африканцы в Комсомольской школе.

- Да, но... – замялся было секретарь.

Данное еще Хрущевым распоряжение, запрещающее органам вмешиваться в работу комсомольских организаций, хотя и не было отменено, но практически давно не выполнялось.

- Дайте указание. И еще... Отзовите Семицветова из Перу.

- В центральный аппарат?

– Да. Хотя... Принесите мне постановление Совмина о переносе некоторых видов исследовательских работ из Военно-химической академии в гражданские научно-исследовательские институты.

Через несколько минут Андропов открыл папку с постановлением и быстро нашел то, что искал.

Полученные оперативным путем данные о сильном наркотическом веществе, синтезированном в годы войны в Германии, сначала были переданы на кафедру академика Кнунянца в Военно-химической академии. Опыт у того был. Сразу же после войны на его кафедре были синтезированы отравляющие вещества, разработки которых велись в Германии.

- Свяжите меня с Кнунянцем, – попросил Андропов.

Через несколько минут голос академика:

- Кнунянц.

Андропов сразу представил себе экспансивного армянина, который мог выйти на улицу в генеральском кителе и гражданской шапке и, будучи за рулем, развернуться посреди Садового кольца.

– Здравствуйте, Иван Людвигович. Это Андропов. Почему вы передали гражданскому НИИ данные о каком-то новом веществе?

– Это вещество по своей структуре является алкалоидом. Мы алкалоидами не занимаемся. Передали его институту, где такая работа проводится. Кроме того, оно не может рассматриваться как отравляющее или нервно-паралитическое вещество. Это скорее наркотик. Но очень сильный.

- У него есть название или только химическая формула?

– Формулу-то мы как раз и не знаем. Немцы его называли «Фельдмаршал». Я его переименовал в «Мефистофель». Это не нервно-паралитическое вещество. Это наркотик, стимулятор. Это не профиль нашей кафедры.

Андропов улыбнулся. «Не профиль». Он знал, что лет десять назад Кнунянц решил синтезировать вещество, повышающую мужскую активность. Для себя. Он рассчитывал получить всего граммов двадцать, а его сотрудники по собственной инициативе увеличили дозу раз в десять. И начали пользоваться. Да так активно, что один пожилой полковник скончался.

- В какой институт вы передали этого «Мефистофеля»?
 - В НИИ ядохимикатов и удобрений. Вообще-то этот институт должен называться НИИ химических удобрений и ядохимикатов, но получалось очень неблагозвучно.
 - Почему туда?
 - Там есть лаборатория, изучающая алкалоиды.
 - Кто конкретно будет этим заниматься?
 - Заведующий лабораторией профессор Янаев.
 - Он сможет его синтезировать?
 - Раз немцы смогли, то... Хотя гарантии дать невозможно.
- Андропов поблагодарил академика. Подумал несколько минут. Семицветов знает проблему наркотиков, разбирается в их очистке. Он снова вызвал секретаря:
- Переведите Семицветова под крышу в НИИ ядохимикатов.
 - Вы его примете, когда он вернется в Москву?
 - Решу позже. И еще. Этна Валарде. Запишите это имя. Это художница. Живет в Мексике. Ей надо помочь. Купить несколько картин. Пусть наши сотрудники подумают.
 - Я понял.
- Ну, вроде бы все. Хотя...
- Отзовите из Италии нашего сотрудника, который покупал лаборатории для Семицветова.
 - В центральный аппарат?
 - Да. Как его имя?
 - Узнаю и доложу.
- Через несколько минут секретарь доложил:
- Закупкой лабораторий в Италии занимался подполковник Лонов Евгений Николаевич.

Прошло девять лет.

Часть первая. Ценные породы деревя и ценные породы людей

Глава вторая. Яунде – столица Камеруна

4. Бук и тис

Осень 1989 года выдалась холодной. Уже в середине ноября по ночам начались заморозки. В кабинетах еще не топили и было холодно. Во всех кабинетах, но не у начальства.

– У тебя тепло! – Я с удовольствием развалился в кресле. – А у меня в кабинете почти минусовая температура.

– Начнешь выполнять задание, согреешься.

– Что за задание?

Колосов вынул из тумбочки бутылку «Мартеля» и два бокала:

– Твое здоровье.

– И твое. Дал бы указание топить во всех кабинетах. Что за задание?

– Тис от бука отличить сможешь?

– Ну и вопрос! Я и липу от тополя не отличу. Знаю только, что рябина красная, ивушка зеленая, а клен ты мой опавший. Всё.

– Плохо, но не трагично. Кроме того, я уверен, что ты не знаешь такую породу дерева как «окуме».

– Не знаю.

– Придется узнать. В марте состоится всемирный конгресс по ценным породам древесины. Ты будешь включен в состав делегации.

– Но я в ценных породах...

– Я тебя знаю. Ты очень способный. Если будет надо, за полгода научишься читать абиссинские манускрипты.

И я задал сакраментальный вопрос, который на моем месте задают все здравомыслящие подчиненные:

– Почему я?

– А ты посмотри на себя. У тебя ученый вид. Я так и вижу тебя на трибуне научного конгресса. Кроме того, тебя знают как сотрудника министерства внешней торговли.

– Где хоть он будет, этот конгресс?

– В Яунде. Это, если ты забыл географию, Камерун. У тебя на подготовку четыре месяца.

– И сколько он будет продолжаться?

– А тебе не все равно? С женой развелся. Живешь один... Два дня на ознакомление с делом. Еще по одной?

Через день у меня на столе лежало постановление Совета Министров СССР «О международном конгрессе по ценным породам древесины». На двух страницах были указаны задачи, стоящие перед советской делегацией. Отдельно прилагалось постановление ЦК КПСС «О советской делегации на международном конгрессе по ценным породам древесины». Руководителем делегации был назначен Министр лесной промышленности, в состав входили

председатель Внешнеторгового Объединения «Экспортлес», директор Байкальского целлюлозно-бумажного комбината и еще пять лиц, в том числе «сотрудник Министерства иностранных дел», что на эзоповом языке постановлений означало «сотрудник моего ведомства».

Непонятно, зачем здесь «Экспортлес», – удивился я. – Мы вроде бы ценные породы не экспортируем.

Потом я затребовал информацию о нашем торгпредстве в Яунде. Там оказалось представительство того же «Экспортлеса». Два человека. Один из них наш сотрудник. Я поднял дело. Старший лейтенант Котомцев Андрей Викторович, это его первая командировка.

Я поднялся к Колосову:

– В Яунде лесом занимается наш парень. Сделай ему вызов в Москву на пару дней.

– Дело говоришь, – согласился Колосов.

Через четыре дня Котомцев объявился в моем кабинете.

5. Котомцев и его сказки

– Здравствуйте, Евгений Николаевич.

Долговязый, в светлом тропическом костюме, с книжкой в руках, похож на младшего научного сотрудника гуманитарного НИИ.

– Котомцев. Я из Яунде.

Уж больно по-штатски. Точно, из гуманитарного НИИ.

– Кто? – неласково спросил я.

Он понял:

– Старший лейтенант Котомцев по вашему приказанию прибыл.

Перебрал в другую сторону.

– Покажи удостоверение.

Мне хотелось посмотреть на его фотографию в военной форме. Он удивился, протянул удостоверение.

– Прилетел сегодня?

– Так точно. Сегодня утром. И сразу к вам.

– Я включен в состав делегации на конгресс по ценным породам древесины. Хочу, чтобы ты меня ввел в курс дела.

– Вы когда-нибудь занимались лесом?

– Никогда.

– Я вас подробно проинформирую. Это займет много времени. Но я хотел бы все рассказать сегодня.

– У тебя завтра дела?

– Я восприимчив к перемене климата. Вчера еще я был в Яунде. Там температура тридцать два градуса, разумеется, плюс, а в Москве плюс два. Завтра я обязательно буду лежать с температурой.

Я обратил внимание на книжку, которую он держал в руках.

– И поэтому ты запасся книгой. Что у тебя за книга? Справочник по лесному делу?

– Сказки Перро.

– Красной Шапочкой интересуешься?

– Я постоянно совершенствуюсь в знании французского языка. А разговорную речь лучше всего учить по сказкам. Лексика сказок ближе к разговорной речи, чем лексика любого другого художественного произведения.

– Давно занимаешься лесом?

– Всего два года. Входить в лесные проблемы было очень трудно. Литература по лесу очень сложная. Перевод лексики, связанной с лесным делом, труднее, чем перевод, связанный

с какой-либо другой отраслью промышленности. Дело в том, что, скажем, в атомном машиностроении, все термины введены в двадцатом веке. Большинство из них имеют корни или международные или легко переводимые. А в лесном деле все термины аж с семнадцатого века. И в каждом языке разные. Приведу пример. Вы знаете, что такое «задир»?

– Нет.

– Это частично отделенный и приподнятый над поверхностью пиломатериала участок древесины с зацепистыми краями. По-английски это «bullies», по-французски «tyrans». Никаких общих корней. Или «отщеп». По-английски «fake», а по-французски...

– Всё. Убедил.

– А как трудно переводить названия деревьев! Вы знаете английский?

– Не очень.

– Этого достаточно. Я работал с делегацией лесников, которая приезжала к нам год назад. Их привезли в Сочи и сказали, что они поедут смотреть самшитовую рощу. Вы знаете, что такое самшит?

– Нет.

– Это такое дерево. В некоторых странах есть обычай ставить стебелек самшита в сосуд с водой в комнате, где стоит гроб с покойником. Переводчик не обязан знать, как переводится на иностранный язык слово «самшит». Переводчица на английский решила, что это слово интернациональное, и у нее получилось: «And then we shall visit park where you will have pleasure to see a grove of some shifts», что означало: «Потом мы посетим парк, где вы будете иметь удовольствие посетить рощу с дерьмом». Специалисты удивлялись.

– Их можно понять. Расскажи, что это будет за конгресс.

– Возглавляет нашу делегацию министр лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР товарищ Степан Алексеевич Ша лаев. Заместителем будет председатель Внешнеторгового объединения «Экспортлес» Матвей Матвеевич Косталевский... А вы знаете, актер Косталевский, который играл в фильме «Звезда пленительного счастья», – его сын. Вы видели этот фильм?

– Нет.

– Посмотрите. А вы знаете, фасон шпага в этом фильме...

– Кто будет заниматься подготовкой конгресса?

– Подготовка возложена на министерство лесной промышленности. А конкретно на заведующего сектором Дыгаева Ивана Фомича.

– Сколько человек у вас в торгпредстве?

– Десять. Лес курируют двое: я и заместитель торгпреда Ласточкин Анатолий Иванович.

– Ласточкин? Он, случаем, стихи не пишет?

Котомцев растерялся:

– Может, чего другое. А стихи нет.

Много лет назад я нашел пристанище в окружной газете «Советский воин». Там, кроме всего прочего, я должен был заведовать поэзией. Главный редактор требовал стихи к каждому воскресению. А где их брать! И я придумал поэта: рядовой Анатолий Ласточкин. И писал за него стихи. Кстати, неплохие. Я даже получил приглашение для рядового Ласточкина на какой-то съезд:

– Не пишет, говоришь?

– Точно, не пишет. Вы на него посмотрите и сразу поймете, что стихи он не пишет.

Мне в голову пришла идея:

– На сегодня достаточно. Позвони завтра.

И отправился к своему непосредственному:

– Ты знаешь, что я подумал? Не слетать ли мне на недельку в Яунде?

– Отличная мысль. Оформляй документы.

И через три недели я предъявлял в Шереметьево билет «Москва – Париж – Дуала – Яунде – Дуала – Париж – Москва».

6. Немецкий ювелир

В первом классе рядом со мной оказалась дама. Строгая прическа, обманчиво простой светло-серый костюм выдавали в ней бизнес-леди, привыкшую летать первым классом. Пока я раздумывал над тем, как начать разговор, она спросила:

– Вы когда-нибудь летали этим рейсом?

– Нет.

– Тогда вас ожидают неожиданности.

И всё. Очевидно, она решила, что какими будут эти неожиданности, я узнаю сам.

Сегодня утром в Дуале я вышел из самолета Париж – Йоханнесбург и, с тоской взглянув на огромный «Боинг», прошел в зал аэропорта. Через два часа я уже занял кресло в другом «Боинге», значительно меньшем по размеру. Он должен был через сорок минут доставить меня в Яунде.

– Вы знаете, что на самолетах «Эр-Камерун» никогда не было катастроф? – снова спросила дама.

– Нет. И надеюсь, что так будет продолжаться.

– Вы боитесь летать на самолетах?

– Я много летал. Привык.

– Вы не боитесь всего, к чему привыкли?

– Есть вещи, к которым нельзя привыкнуть.

– Например.

– Искреннее невежество и честная глупость.

– Где-то я уже слышала про искреннее невежество и честную глупость.

– Это слова Лютера, мадам. Он сказал, что в мире нет ничего опаснее искреннего невежества и честной глупости.

– Опаснее и отвратительнее. Я видела по телевизору кадры, как в одной стране забрасывали камнями женщину за супружескую неверность.

– Убивать женщин – это ничем не оправданное преступление. Особенно это понимаешь, когда рядом с тобой красивая женщина.

Подождала стюардесса:

– Мадам заказывала воду?

– Нет. Хотя, если вы принесли... Спасибо.

Дама взяла стакан и повернулась ко мне:

– Предположим, я знаю, что здесь яд и, если я выпью, я тут же умру. Но меня какая-то неодолимая сила будет толкать выпить эту воду.

Она медленно поднесла стакан к губам. Я инстинктивно дернулся, чтобы ее остановить.

– Вы испугались. А человек, который узнает, что должен умереть через несколько минут, никогда не пугается, у него парализуется воля. Он перестает сопротивляться и покорно идет навстречу смерти.

– Как бараны, идущие на бойню.

– Нет-нет. Бараны не знают, что умрут. Животные вообще не знают, что они умрут. Я говорю о людях, которые знают, что скоро умрут. Вы никогда в кино не видели документальные съемки, как расстреливают людей?

И, не дав мне ответить, продолжала:

– А я видела. Дело происходило где-то в Латинской Америке. Вывели трех молодых парней из машины и подвели к стене. Они шли совершенно обреченно. Какая-то девушка в яркой

косынке с кинокамерой шла почти рядом с ними и снимала фильм. Они покорно встали у стены. Им приказали повернуться. Они повернулись. И ждали. Ждали.

В это время самолет как будто провалился в яму. Его затрясло. Стакан чуть не упал из рук дамы. Но она оставалась спокойной:

– В этом месте всегда трясет. Так вот. Раздались выстрелы. Они упали. И всё.

Из кабины пилотов вышла та же стюардесса. Она посмотрела на пассажиров и покачала головой. Самолет продолжало трясти, а стюардесса начала смеяться.

– Они всегда так делают, – объяснила мне дама. – Хотят успокоить пассажиров. А если трясет, это означает, что мы на полпути. Через двадцать минут приземлимся в Яунде. Вы в первый раз летите в Яунде?

– В первый.

– Но в Африке вы уже бывали. Не так ли? На вас прекрасный костюм и галстук. Люди, в первый раз прилетающие в Африку, обычно надевают черт знает что. Вы цитировали Лютера, но вы не швейцарец, швейцарец никогда не поедет в Африку в хорошем костюме. Вы немец. Я не ошиблась? У вас характерный акцент немца, говорящего по-французски.

Я согласился:

– Вы правы, мадам.

Мне хотелось сказать «Jawohl».

– Яунде – небольшой город. Два первоклассных отеля. Есть хорошие рестораны. Но немецких ресторанов нет. Есть эльзасский ресторан. Он так и называется «Альзас». Там готовят настоящий шукрут. Обязательно зайдите туда.

– Спасибо, мадам. Я непременно воспользуюсь вашим советом.

Снова появилась стюардесса:

– Привяжите ремни. Самолет идет на посадку.

Дама начала рукой искать ремень за спиной, и я увидел перстень с огромным сапфиром. Год назад мне пришлось заниматься поддельными драгоценностями, и я научился немного разбираться в камнях.

– Прекрасный камень. Кашмирский сапфир.

– Вы ошиблись, он из Таиланда.

– Из Кашмира. Камень василькового оттенка с шелковистым отливом. И старинной работы. Сейчас такие сапфиры в Кашмире уже не добывают.

– Прекрасно. Теперь я знаю, кто вы такой. Вы ювелир.

– И вы снова не ошиблись, мадам.

– На жителя маленького города вы не похожи. Значит, из мегаполиса. Вы цитировали Лютера. Это типично для лютеранина. Поэтому Мюнхен отпадет. Там католики. А вот Гамбург... Гамбург – столица германских ювелиров. Таким образом, вы ювелир из Гамбурга. Я не ошиблась?

– От вас ничего не скроешь, мадам.

– Я люблю разгадывать профессию попутчиков. За сорок минут я узнала, что вы добродетельный немец из Гамбурга, ювелир, немного верите в чепуху, но не настолько, чтобы полностью ей доверять. Вас можно испугать. Словом, вы настоящий ювелир-немец.

Первое, что я увидел, выйдя из здания аэропорта, был «Мерседес» с советским флагом. «Посол кого-то встречает», – подумал я и стал искать глазами Леву Лыжина, резидента в Камеруне, моего знакомого еще по Алжиру.

Он стоял у «Мерседеса» и улыбался.

Я подошел:

– Кого встречаете?

– Тебя. Понимаешь, посол в Москве, прилетает завтра. Советник болен. И я в посольстве самый главный. Почему я не могу встретить большого гостя из МИДа на официальной машине? Ты же ведь сотрудник МИДа?

– С флагом? Что местные скажут!

– Африка, Жень. Здесь спокойная, тихая Африка.

Я обернулся и увидел свою соседку по самолету. Она с удивлением смотрела, как добропорядочный ювелир из Гамбурга усаживается в «Мерседес» с советским флагом.

7. Тихая посольская жизнь

Я сидел в приемной посольства и ждал представителя «Лады». Вчера Лев сказал мне, что этот представитель даст мне на несколько дней «Ладу», то есть «Жигули».

– За это надо платить? – спросил я.

– У него были неприятности по амурной части. Я закрыл. Теперь он по моей просьбе...

– Понял. Причина убедительная.

Входили и выходили дипломаты, одни делали вид, что заняты, другие и этим себя не обременяли. Болтали о том о сем. По стенам на стеллажах стояли книги. Я обратил внимание на дореволюционную энциклопедию «Брокгауз и Эфрон». Томов много, наверное, полный комплект. Я взял несколько томов, начал пролистывать.

Появился Котомцев, он прилетел в Яунде на неделю раньше меня:

– Я подготовил программу вашего пребывания в Яунде. Лев Сергеевич сказал, что сегодня вы пообедаете у него. После обеда мы поедем в торгпредство. Ласточкин уже ждет. Завтра мы посетим деревообрабатывающий комбинат, посмотрим, как обрабатывается древесина. Вас примет один из директоров. Не волнуйтесь, он будет рассказывать, вы – слушать. Воскресенье – отдых. В понедельник вас примет руководитель государственной компании, занимающейся обработкой окуме – это такая ценная порода дерева. Во вторник визит в оргкомитет конгресса. Я так спланировал вашу программу, чтобы к этому времени вы уже имели представление о лесном деле. План одобряете?

– План хороший.

– С машиной у вас все в порядке?

– Пока нет, но скоро будет.

В приемную величественно вплыла девица лет тридцати в коротеньком пестром платье. Была она худобы чрезвычайной. Тонкие, не геометрической прямоты ноги, такие же руки, талия на две ладони охвата. Но при этом довольно милое, почти красивое личико, во всяком случае, правильной формы, и глубокие голубые глаза.

Она неласково, и, как мне показалось, с издевкой, осмотрела меня с головы до ног и тут же надменно ретировалась.

– Это Лиза, – объяснил мне Котомцев – Жена корреспондента.

– Какая-то она нелюдимая, – удивился я.

– Еще хорошо, что не сказала какую-нибудь гадость, – отреагировал сидевший рядом дипломат.

– Мы для нее быдло, абсолютно некультурная масса, – пояснил другой.

– Дура, – попытокнул первый.

Появился представитель «Лады:

– Машина у входа в посольство.

– Надо заплатить? – на всякий случай поинтересовался я.

– Нет, нет. Машина представительская. Надо только заполнить кое-какие бумаги.

Я заполнил бумаги, расписался в четырех местах и получил ключи.

После десятиминутной речи торгпреда об успехах руководимого им предприятия он передал меня Ласточкину. Тот коротко изложил ход закупок ценных пород древесины за последние полгода. Я оценил его способность запутанно излагать простейшие истины и согласился с Котомцевым: стихи он не пишет. И он, и торгпред, прекрасно понимавшие, какой я специалист по деревообработке, вопросов не задавали.

На следующий день Котомцев повез меня на комбинат, километров в тридцати от Яунде.

Дорога была отвратительной, узкая, в колдобинах, лужах. На мое удивление, Котомцев оказался водителем искусным, он ловко объезжал препятствия, почти не теряя скорости. Перед самым комбинатом произошел небольшой инцидент, посреди дороги лежала корова. Он объехал ее, но заехал на обочину, откуда на корову полетели камни. Корове это не понравилась, она с неожиданной для коровы резвостью вскочила на ноги и грозно замычала. Была она местной породы, с огромными рогами и выглядела устрашающе.

– Ты уж поосторожнее, – выразил я свое неудовольствие. – А то кончится наша поездка некрологом. А на похоронах будут смеяться: ну, ладно бы напал лев или носорог, а то корова. Стоило для этого в Африку ехать.

– Вы не волнуйтесь, я проходил школу автогонщиков.

– Где?

– У нас был факультативный курс.

Наконец мы приехали на комбинат. Инженер-француз минут тридцать водил меня по цехам. Вопросов не задавал.

Вечером я отправился на ужин к торгпреду. Котомцев был уже там и рассказывал о своей поездке в Москву.

Жена торгпреда, эстонка, оказалась замечательной кулинаркой. Прекрасный луковый суп и какое-то, очевидно, национальное блюдо из говядины с красным перцем.

Кофе пили на веранде. К моему удивлению, Котомцев сел за пианино:

– Играю на заказ.

– Что-нибудь Шопена, – попросила хозяйка.

– А вы знаете, так называемый «Похоронный марш» – это просто «Соната для фортепиано си-бемоль минор опус 35». Потом ее стали называть похоронным маршем.

– Не надо сонату, – остановил торгпред.

– Ладно, – согласился Котомцев и начал песенку из «Кабаре».

Играл он хорошо.

8. Воскресенье и в Африке воскресенье

В воскресенье всё посольство выезжало на озеро. Взяли и меня. Находилось это озеро в горах в очень неинтересном лесу. Неинтересном потому, что был он высажен каким-то скучным лесником. По линейке. Геометрия просто угнетала. Взрослые устраивались на шезлонгах и привезенных из дома стульях, втыкали в землю зонты. На землю предпочитали не садиться: Африка! Дети пытались залезть в озеро, взрослые их не пускали: посольский врач не рекомендовал. Но некоторых взрослых смельчаков это не останавливало.

Начальство расположилось под большим зонтом на раскладных креслах. Я подошел, поздоровался. Посол усадил меня между собой и секретарем парткома:

– Как долетели?

– Хорошо. Спасибо.

Завхоз и Котомцев принесли холодильник с пивом. Завхоз открыл холодильник и принялся вынимать оттуда бутылки.

– Я еще вчера хотел спросить у вас, Евгений Николаевич, – обратился ко мне секретарь парткома, – действительно ли изделия из ценных пород дерева очень высоко ценятся в Москве?

– Видите ли... – начал я.

Котомцев понял, что мне трудно ответить на этот вопрос, и поспешил прийти мне на помощь:

– Очень высоко ценятся. Я приведу пример. Завхоз посольства одной из африканских стран отправил в Союз какой-то странный ящик. В Москве его попросили открыть ящик. А там... подшивка «Правды» за три года.

– Зачем?! – удивилась жена советника по культуре.

Муж неодобрительно посмотрел на нее.

А Котомцев продолжал:

– Таможенники сначала обалдели, потом извинились. И было им невдомек, что ящик этот был из такой породы дерева, по сравнению с которым окуме – просто фанера.

– И что было дальше? – строго спросил секретарь парткома.

Котомцев растерялся, теперь я пришел ему на помощь:

– Никто из краснодеревщиков покупать ящик у завхоза не стал, боялись. И он продал его в похоронную контору... на гробы.

Котомцев посмотрел на меня как начинающий спортсмен на тренера, преданно и с восхищением, а посол спросил:

– Хотите пива?

Я знал, что у посла цирроз печени и врачи разрешили ему пить только черное пиво «Гиннесс», поэтому в посольство регулярно с оптового склада завозились ящики с «Гиннессом».

Пить пиво не хотелось, но как отказаться! Выручил Лев:

– Мы с Евгением Николаевичем планируем начать с чего-нибудь покрепче.

– Правильно, – одобрил посол.

Отойдя от шатра генералитета, я заметил Лизу, жену корреспондента. Отсутствие платья привлекательности ей не добавило. На ней был крохотный голубенький бюстгальтер – а большего ей было и не надо – и такого же цвета крохотные трусики. Зато в руках она держала огромный фолиант, книгу, по первому взгляду дореволюционного издания. Положив книгу на стул, Лиза не торопясь направилась к озеру.

Я подошел к стулу, поднял букинистическое чудовище. Песталоцци! Вот так номер! Бывают же совпадения!

Вчера в посольской библиотеке, глядя на позолоченные тома энциклопедии Брокгауза и Эфрона, я вспомнил, что именно туда писала статьи Крупская и гонорар за эти статьи составлял основной бюджет Ленина в Швейцарии. В оказавшейся рядом брошюрке «Ленин в Цюрихе» я нашел перечень написанных Крупской статей. В том числе статью о швейцарском педагоге конца XVIII века Иоганне Песталоцци. Я не поленился, отыскал статью и прочел. Этот Песталоцци на примере некоей Гертруды изучал различные формы воспитания. Одна из книг так и называлась «Как Гертруда учит своих детей».

Я водрузил фолиант на место и ретировался.

Вскоре Лиза вернулась, уселась на стул и раскрыла мудрую книгу.

Через несколько минут я подошел к ней и вежливо спросил:

– Что читаете?

Она не подняла головы.

– Разрешите полюбопытствовать.

Опять молчание. Ну, вроде бы меня и нет.

Я вытащил книгу из ее хилых рук и прочел вслух титульный лист:

– «Досуги отшельника». Ой, да это Песталоцци! Точно, Песталоцци! Вы читаете Песталоцци!

Лиза молчала.

– Неужели вы полагаете, что Гертруда правильно учит детей?

При слове «Гертруда» Лиза слегка вздрогнула, потом осторожно спросила:

– А вы считаете, что нет?

Я прочел название книги по-немецки, благо оно было напечатано на первой странице, и мудро изрек:

– В таком случае я бы порекомендовал вам прочесть...

Дальше я произнес нечто напоминающее немецкий язык, надеясь, что во франкоязычной стране знающие немецкий попадают редко. И не ошибся.

– Как она называется по-русски? – робко поинтересовалась Лиза.

– Я не уверен, что она переведена на русский. Но по-французски вы ее найдете.

– Так почему же вы считаете, что Гертруда неправильно учит детей? – теперь уже с нескрываемым интересом спросила Лиза. И это было приглашением к диалогу.

Я начал кратко излагать статью Крупской.

– Ваше мнение интересно, – согласилась Лиза.

И забеспокоилась:

– Возьмите стул. Почему вы стоите?

Я принес стул, сел рядом и у нас началась ученая беседа.

Сотрудники посольства смотрели на меня, как на смельчака, вошедшего в клетку с тигром и рассевшегося с ним в обнимку.

– Давайте ограничим круг наших разногласий, – предложила Лиза. – Если я вас правильно поняла, вы считаете, что социальный заказ на образование важнее, чем внутренние интересы социальных групп.

Я попытался сообразить, что это такое, и начал импровизировать на заданную тему:

– Если обществу нужны математики, а внутри классовой группы хотят, чтобы их дети стали адвокатами, то заказ общества первостепенен.

Судя по реакции Лизы, я понял, что в ученую беседу вписался.

– Я вижу, вы находитесь в плену у Песталоцци, – иронически улыбнулась она. – Поздний Песталоцци действительно соглашался с тем, что именно горизонтальное мировоззрение, наиболее присущее элитам, является главным тормозом для выполнения социальных заказов общества.

Пока я был доволен собою. Оставалось только понять, о чем идет речь. И тут неожиданно Лиза пришла мне на помощь.

– Давайте четко определим понятия вертикального и горизонтального мировоззрения. Я бы определила вертикальное мировоззрение – как систему взглядов, где первостепенными считаются высшие интересы общества, государства и, если брать дальше, всего человечества. Горизонтальное мировоззрение – это система взглядов, где первостепенными считаются интересы рабочей группы, семейной ячейки, клана и, если брать выше, элиты.

В это время к нам подошел хмурый и лохматый субъект в очках, как я позже узнал, супруг ученой Лизы, и наш диспут закончился.

Котомцев, все время издали смотревший на нас, подбежал ко мне:

– О чем вы с ней так долго беседовали? Я был готов прийти на помощь, она же хамка.

– Мы беседовали о смешении понятий горизонтального и вертикального мировоззрения в поздних трудах Песталоцци, – спокойно ответил я.

Он снова посмотрел на меня преданно и с восхищением:

– Ничего себе!

9. Посещение оргкомитета

Оргкомитет конгресса располагался в самом центре города в двухэтажном стеклянном павильоне. В таких обычно размещаются салоны автокомпаний. В центре зала стоял огромный «Хаммер», вокруг – бревна, так много бревен, что «Хаммер» казался океанским лайнером, вокруг которого толпятся баржи с лесом. Лес присутствовал везде: на стендах, на полках.

Котомцев был здесь не первый раз:

– Каковы инструкции, шеф?

– Познакомь меня с дежурным подготовительного комитета.

– Будет сделано.

Он уверенно повел меня в кабинет, где восседал щедедушный европеец.

– Эжени Лобдв, – представил он меня, – крупный специалист по обработке окуме, маха-гони и эбенowego дерева.

Европеец посмотрел на меня мутным взглядом уставшего человека и начал нудно и быстро по-английски излагать цели конгресса. Несмотря на мой весьма посредственный английский, я понял, что язык Шекспира у него какой-то странный.

– Вы из Канады? – спросил я.

– Я из Канберры.

Он поднял голову, посмотрел на меня и, решив, что перед ним абсолютный дебил, пояснил:

– Это Австралия.

Он продолжал говорить и так часто употреблял слово «timber» (бревно), что меня так и подмывало спросить его, не добрался ли он из Австралии до Африки на Кон-Тики.

В кабинет входили какие-то люди, подсовывали ему какие-то бумаги. Он смотрел, что-то объяснял, подписывал. Наконец один принес бумагу, судя по всему, совершенно безобразную с его точки зрения. Негодованию уроженца страны кенгуру не было предела. Он вскочил и, не извинившись, исчез. Я счел за благо исчезнуть тоже.

– Куда теперь? – спросил я Котомцева.

– Подождите меня в зале. Я принесу буклет участника.

Он поднялся по лестнице на второй этаж, а я остановился около «Хаммера». И в этот момент я увидел выходящую из какого-то кабинета свою соседку по самолету. С ней шли четыре человека. Она что-то внушала им начальственным тоном. Увидев меня, она замерла на полуслове. Потом, простившись со своими спутниками, подошла ко мне:

– Вы были правы, сапфир у меня действительно кашмирский.

– И не просто кашмирский. У него редкий для кашмирских сапфиров цвет: васильково-голубой. И это цвет ваших глаз.

– Вы мне говорите приятные слова, немецкий ювелир.

– Вы умеете выбирать камни, мадам. У вас прекрасный вкус. И этот топаз...

На ней было светло-зеленое платье и на руке перстень с огромным топазом.

– У него такой же цвет, как у ваших волос. Топаз – это камень надежд на случайную встречу. Моряки брали топаз в плавание, считалось, что он выведет их из тумана.

– Нет, вы определенно намерены меня соблазнить. Осторожно. Я уже в таком возрасте, когда легко поддаются соблазнам.

– Камни красноречивы. Помните Сафо: «Верьте перстню, которой на женщине, но не ее словам, женщина может лгать, а камни нет».

– Верю. И Сафо, и вам. Только мы с вами находимся не на выставке камней, а в оргкомитете конгресса по ценным породам дерева. – Она показала на толстое бревно:

– Как называется эта порода дерева?

– Не знаю, – честно признался я. – Я не специалист по ценным породам дерева.

– А кто вы?

Я протянул свою визитную карточку. Она прочла вслух:

– «Eugeny Lonov. Ministère des Affaires étrangères de l'URSS. Conseiller».

(Евгений Лонов. Министерство иностранных дел. СССР. Советник.)

Она понимающе покачала головой:

– Ну, конечно. Мы с вами коллеги.

Ее визитная карточка оказалась почти копией моей, только французской копией: «Madame Alice Chabaud. Ministère des Affaires étrangères. France. Expert économique».

(Мадам Алис Шабо. Министерство иностранных дел. Франция. Эксперт по экономике)

Теперь я понял, кто она. Скорее всего, действительно моя коллега.

– Вам больше подошло бы имя Алис Мервей, Alice au pays des merveilles (Алиса в стране чудес), потому что рядом с вами я чувствую себя в мире чудес.

– Вам нравятся чудеса?

– Если они связаны с женщинами.

– И каких женщин вы предпочитаете: скучающих искательниц приключений или глупеньких простушек?

– Мальчишкой предпочитал глупеньких простушек. Потом, особенно когда женился, понял, что лучше иметь дело со скучающими искательницами приключений. После развода предпочитаю красивых и умных.

– Вы не боитесь умных женщин?

– Нет. Вольтер говорил, что мудрость женщины проявляется в умении вовремя сделать глупость.

– Вы меня убедили. И я сделаю глупость. У меня есть знакомые в оргкомитете, я попрошу их, чтобы на конгрессе нас разместили в соседних номерах. Все-таки мы коллеги.

– И обязательно попросите, чтобы из моей ванной комнаты была дверь в вашу.

– И что вы намерены делать в моей ванной комнате? Поверьте, это вопрос не из праздного любопытства.

– Я уверен, у вас есть голубой пеньюар. А к голубому пеньюару подходит кольцо с бирюзой. А бирюза – это камень, который любит воду, его не надо снимать в душе. Я вижу вас в душе с бирюзовым камнем.

– Вас интересуют прежде всего мои украшения?

– Я еще ни разу не видел человека, полностью не снявшего с себя одежду в душе, мадам. Впрочем, бирюзовое кольцо можно оставить. Я еще не был в эльзасском ресторане. Может быть, случится чудо, и вы...

– Не торопитесь, господин советник. Подождите конгресса. И определитесь: ресторан или ванная.

Влетел какой-то субъект в яркой рубашке:

– Мадам Шабо! Мадам Шабо!

Она попрощалась кивком головы и отошла. В ту же минуту рядом со мной оказался Котомцев:

– Она эксперт по ценным породам?

– Я думаю, она такой же эксперт по ценным породам, как мы с тобой.

– А я думал, что красивых шпионок в жизни не бывает.

– Такое случается. Только для тебя она старовата.

– А вы знаете, мне как раз нравятся женщины старше меня. А вам какие нравятся? Молодые или старше?

И я честно признался:

– Все.

10. Песталоцци и Мессалина

С утра в среду я отправился в супермаркет «Монопри» в центре города. Мне нужно было купить галстук для своего непосредственного. Я всегда привозил ему из командировки галстук, он всегда благодарил меня и хвалил за прекрасный вкус, но я никогда не видел его в подаренном мною галстуке.

Едва отойдя от кассы, я увидел Лизу. Она спускалась по винтовой лестнице прямо на меня. Я сделал несколько шагов вперед и оказался под лестницей. На Лизе была короткая широкая юбка, так что взгляд снизу открывал интимную перспективу.

Она перехватила мой взгляд, от гнева ручонки ее начали вибрировать. Спустившись, она решительно двинулась в мою сторону:

– Вас не учили тому, что подглядывать женщинам под юбки гадко?

– У меня есть три причины не стыдиться своего поступка, – спокойно возразил я.

– Ах, даже три! – Мне показалось, что от переполнявшего ее гнева она начала заикаться.

– Во-первых. Желание увидеть красивую женщину в минимальном количестве одежды – это естественное желание любого здорового мужчины. Во-вторых. В том минимуме одежды, которая открылась мне сейчас, я вас уже видел на озере. Стало быть, я не посягнул на нечто мне неведомое. И, в-третьих. Когда женщина нравится мужчине, он делает все возможное, чтобы закрепить знакомство. А чтобы закрепить знакомство, надо назначить свидание. В свою очередь для того, чтобы назначить свидание, необходимо начать разговор. И я преуспел, разговор завязался.

– Прекрасно. Для того, чтобы назначить свидание, вы заглядываете женщинам под юбки. И она величественно удалилась.

Я побродил по магазину еще с полчаса и уже шел к выходу, как снова увидел Лизу. Она направлялась в мою сторону. Шла она так решительно, что я замер, как часовой под грибком, увидевший генерала. Поравнявшись со мной, она остановилась и, не глядя на меня, отчеканила:

– Сегодня в семь тридцать пять. Не в семь тридцать две и не в семь тридцать семь, а в семь тридцать пять. На углу Розье и авеню Фош.

И продефилировала дальше.

Вот тебе и оборот!

Отказываться я не собирался. Да уже и поздно. Вроде бы сам и напросился.

Я вернулся в посольство. От дежурного коменданта узнал, что Лиза живет на улице Розье. Он же поведал мне, что в восемь часов в клубе посольства, как всегда по средам, покажут фильм. По заведенным у них правилам перед началом сеанса кто-то выступает с рассказом о фильме, а по окончании комментирует фильм. В этот вечер должен выступать муж Лизы.

Имея дело со столь непрогнозируемой дамой, я решил организовать неожиданное ран-деву подобающим образом. Посему сначала, дабы вечером верно рассчитать время, съездил на указанный угол. Потом заказал столик в ресторане гостиницы, где остановился. Место удобное, с намеком на окончание вечера в моем номере. Хотя рассчитывать на то, что в хрупком теле мыслительницы возгорится огонь Мессалины, не приходилось. А, может быть, это и к лучшему, подумал я, но перестраховался, заказав столик в китайском ресторане. Потом вернулся в посольство и на всякий случай перечитал статью о Песталоцци.

К углу Розье и Фош я подрулил ровно в семь тридцать пять. Лиза не опоздала. На ней было длинное яркое африканское платье.

– Вперед, – скомандовала она, усевшись рядом.

Я хотел было спросить: «Куда?», но она меня опередила:

– Сейчас семь тридцать семь. Вы должны меня вернуть на это место в девять двадцать пять. Итого в вашем распоряжении час сорок восемь. Вы остановились в «Новотеле»?

Именно в эту гостиницу Лев меня и определил.

– Туда можно доехать за пятнадцать минут. Но сейчас оживленное движение, а я не люблю гонку. Поэтому положим двадцать минут. Обратно доедем за пятнадцать. Итого тридцать пять минут на дорогу в обе стороны. Припарковать машину у отеля трудно. Положим семь минут. Назад легче, займет три минуты. Итак, на парковку десять минут. На каком этаже ваш номер?

– На третьем.

– Две минуты ждать лифт, одна минута подняться на этаж и дойти до номера. Три минуты туда, три назад. Суммирую. Передвижение от Розье до Розье займет шестьдесят восемь минут. Таким образом, в вашем распоряжении остается пятьдесят семь минут. Это немного, но достаточно.

Цену времени она знала.

– Я много думала по поводу нашей беседы у озера. Вы правы. Давайте отвлечемся от века Песталоцци и попробуем экстраполировать его идеи на век нынешний. Согласитесь ли вы с тем, что одной из характеристик общественного развития в последние десятилетия является возрастание роли женщины в обществе?

Я с этим согласился. И думал о роли женщины в моем номере.

– Какова причина этого роста? Только не говорите, что это результат деятельности борцов за эмансипацию женщин. Не произойди кардинальные изменения структуры общества, результаты их усердия были бы ничтожными. Вы согласны?

Я снова согласился.

– Так что же изменилось в обществе в пользу женщины? Что перевернуло соотношение полов и создало предпосылки к сползанию общества к матриархату? Мы поговорим об этом на обратном пути.

Значит, в номере мы не будем спорить о Песталоцци, и это радовало.

Я быстро припарковал машину, отыграв три минуты из графика, составленного Лизой. Лифта мы ждали недолго. Я открыл дверь своего номера, пропустил даму вперед.

Лиза сразу выскочила на балкон.

– Какая прелесть! Поле для гольфа! Вы играете в гольф?

В гольф я не играл.

Она с минуту любовалась видом на горы, потом вернулась в комнату.

– У вас и так слишком мало времени, и я не хочу вгонять вас в еще больший цейтнот.

Она расстегнула бретельку возле плеча, и платье упало. Под ним ничего не было, то есть была она – и ничего больше. Она скинула тапочки и подошла ко мне:

– Как видите, я максимально упростила вашу задачу. И это совершенно нормально. Когда мужчина и женщина не прочь заняться любовью, никакие жеманные приготовления не нужны. Как если бы вы встретили знакомую и отправились вместе с ней в ресторан. Просто надо понять, что утоление интимного желания и утоление аппетита есть явления одного физиологического порядка.

Освобожденная от мужских оков эмансипанка в сокровенном деле искусство проявила немалое. Отдав сначала инициативу пока еще сильному полу, она принудила постепенно замедлить ритм и перейти на более мускулистую операционную систему.

Я про себя подумал: прибавь ей большую внешнюю привлекательность, я начал бы подумывать о возможной серии этого спонтанного мероприятия и, вспомнив мои утренние предположения, оценил партнершу:

– Вы – Мессалина.

– Незаслуженно обиженная дама, – отчеканила Лиза. – Не казни ее Клавдий, не женился бы он на Агриппине, и та не отравила бы его самого, дав Риму в императоры своего сына Нерона.

И продефилировала в душ. Потом направился в душ и я. А когда вернулся, она уже была одета. Собственно говоря, для этого ей нужно было только водрузить на себя платье.

– Я далека от мысли, что во время сцены, не пассивной участницей которой я оказалась, вы размышляли не только над ролью Мессалины в истории Рима, но и над ответом на вопрос, который я вам задала. Повторю вопрос. Что изменилось в обществе в пользу женщины и создало предпосылки к сползанию его к матриархату? Подскажу первый, достаточно тривиальный ответ. Научно-технический прогресс. Женщине стал физически доступен труд, который раньше был по плечу только мужчине.

Мы спустились вниз, подошли к машине. Лиза продолжала:

– Ответ второй тоже достаточно тривиален. Демократизация общества. Тут и всякие женские движения и сторонницы эмансипации. Ответ третий. Правительства зависят от избирателей. А половина избирателей – женщины. Ответ четвертый, крайне важный и незаслуженно забываемый. За последние годы средства предохранения от беременности стали настолько надежными и необременительными, что женщин перестала пугать опасность забеременеть от человека, сама мысль о совместных детях с которым ввергает их в дрожь.

Я согласился. Вступать в дискуссию не входило в мои планы. Через десять минут мы расстанемся надолго. А она тем временем вернулась к матриархату.

– На первом этапе матриархата будет создана юридическая система, основанная на том, что на мужчин не будет распространяться презумпция невиновности. Даже сейчас, когда существует всего один вид правонарушения, при котором на нарушителя не распространяется презумпция невиновности – изнасилование, мне достаточно кричать: «Насилуют!», как вас схватят, отведут в участок, вы окажетесь в клетке с омерзительными личностями, и дальнейшая ваша судьба будет полностью зависеть от меня.

Я разозлился:

– Вы недооцениваете мужчин.

– И что вы могли бы противопоставить мне, кричащей: «Насилуют!» Только одно: пасть на колени и «Пожалуйста, пожалуйста».

– Вы глубоко заблуждаетесь. У мужчин остаются их основные преимущества: физическая сила и умение быстро принимать решение в самых трудных ситуациях.

– И что бы вы предприняли?

Мы въехали в небольшой лесок. Я притормозил машину.

– Я могу остановить машину и вытащить вас наружу. Вы не будете отрицать, что я сильнее вас.

– И что вы намерены со мной делать? – забеспокоилась Лиза. – Вообще-то вы уже...

– Я поставлю вас лицом к дереву и подниму платье. Сучья от местных деревьев тверды, как шпичуртены.

Вы упадете на колени, и ваши вопли заглушат свист шпичуртенов.

Нарисованная мною картина потрясла хрупкое воображение впечатлительной феминистки. Она заерзала на сиденье и открыла рот. Потом взяла себя в руки и презрительно процедила:

– Это варварство.

– Да, но я пойду на это, потому что не хочу оказаться в клетке с омерзительными личностями.

Мы подъехали. Она не простившись вышла.

На следующий день я улетел из Камеруна и снова отправился туда только через четыре месяца в составе делегации на конгресс.

Глава третья. Конгресс как средство времяпровождения

11. Гретхен и Кафка

В посольстве ничего не изменилось, та же энциклопедия в холле, те же скучающие дипломаты. Лев предусмотрительно отбыл в отпуск. Уехала с мужем и Лиза.

Вечером в день прилета нас собрали на совещание в кабинете посла. Сначала говорил министр, потом посол. После совещания меня подозвал министр:

– Ты ведь оттуда? – он указал пальцем почему-то в потолок, будто я прибыл с того света.

Я решил его не переубеждать:

– Оттуда.

– Если что, действуй по своему усмотрению.

Я согласился. Он продолжал:

– Но люди у меня в делегации проверенные. Лесники.

На следующее утро вся делегация, кроме министра, собралась в номере Дыгаева. Тот достал три бутылки водки. Только разлили спиртное по гостиничным стаканам, как открылась дверь, и на пороге появился сам министр. Все застыли со стаканами в руках.

Министр, седовласый детина ростом под два метра и весом под сто килограммов, взял один стакан, понюхал и громовым голосом прорычал:

– Утром?! Водку?! Стаканами?!

Мы молчали.

– Наливайте.

Ему тут же налили стакан, хотели предложить закуску, малосольный огурец. От огурца он отказался:

– Здоровье не позволяет.

И залпом выпил стакан.

Начались разговоры. В основном о делах министерства. В маленьком номере стало жарко. Я вышел в коридор, спустился в регистратуру.

– Кто проживает в соседнем со мной номере? – спросил я.

– Мадам Алис Шабо, эксперт, Франция.

Я поблагодарил и поднялся в бар; заказал пива и с кружкой в руках направился к столику.

– Рада вас видеть.

Предо мной стояла Алис.

– Вы пьете пиво. Нет, в вас определенно есть что-то от немецкого ювелира.

На ней были пестрая желтая кофточка, длинная красная юбка и черные туфли на каблучках.

– А вы похожи на баварскую Гретхен. Но для того, чтобы вы стали похожи на настоящую Гретхен, вам нужно будет снять перстень из аметиста. Кстати, аметист – это камень людей, склонных к сумасбродным поступкам.

– Я не склонна к сумасбродным поступкам.

– Неправда. Когда вы обратите внимание на то, что вы одеты в цвета немецкого флага, только наоборот: черный цвет должен быть вверх, вы попросите, чтобы я исправил положение.

– То есть я должна вас попросить поставить меня ногами вверх. Вам не кажется, что этого не стоит делать в зале?

– Желания посылаются нам сверху, а человек сам определяет место, где они могут быть выполнены.

– Это опять Лютер?

– Нет, мадам. Это Кафка.

– Разумеется. Лютер вряд ли мог порекомендовать мужчине отвести женщину в свой номер и там поставить вверх ногами. Как вам понравился ваш номер? Я хотела заказать вам сыют с салоном. Надеюсь, что вы пригласите меня выпить кофе. Но, увы, ваша сторона сыют не оплатила.

– Но у вас сыют?

– Да.

– Так пригласите меня.

– Это невозможно. Одно дело, когда мужчина приглашает даму к себе в номер и она приходит. Это *frivolité aléatoire* (случайное легкомыслие). Но когда приглашает дама. Это *frivolité préméditée* (легкомыслие с заранее обдуманными целями).

– Правила морали не действуют во время войны, мадам. А наши страны находятся в состоянии войны друг с другом, пусть холодной, но войны. Поэтому мой визит к вам можно рассматривать как визит парламентаря. Я приду в восемь.

– В девять. И на всякий случай я сниму аметист.

– В восемь. Парламентары народ очень нетерпеливый

– В девять. И хочу вас предупредить: я буду одета так, что у вас не найдется повода поставить меня вверх ногами.

– В восемь. Кто приходит рано, тот уходит поздно.

– Это явно не Кафка. Это Лафонтен?

– Увы, нет. Песталоцци.

– Кто?

– Песталоцци. Швейцарский философ времен...

– Ладно. Приходите в восемь.

12. Как брать Бастилию

Я долго стоял перед прилавком в винном отделе, не мог решить, какое покупать вино: белое или красное. Потом купил бутылку красного «Шатонёф-дю-Пап», попросил положить ее в красивый пакет, вернулся в отель, поднялся на седьмой этаж, остановился у двери Алис и стал ждать, когда стоящие в углу коридора старинные стенные часы пробьют восемь. На восьмом ударе я постучал. Мадам открыла дверь.

– Заходите.

Ее номер существенно отличался от моего, в нем было две комнаты: салон и спальня. Салон предназначался для деловых встреч: строгие темно-серые кресла, письменный стол, холодильник, у подоконника столик с кофеваркой и набором стаканов. Кассетный магнитофон на письменном столе, конечно, входил в описание отеля, но разбросанные рядом кассеты: Брас-сенс, Баррьер, Джонни Холлидей, кассета с Эйфелевой башней «Vive la France» несомненно принадлежали мадам. Горела только маленькая лампочка на столике между креслами.

– В моем возрасте лучше всего принимать мужчин в плохо освещенном помещении, – приветствовала меня Алис. На ней был строгий вечерний костюм, в руках она держала коробку конфет.

Я протянул пакет с бутылкой:

– Дарить французке вино так же трудно, как дарить индуске слона.

– Но вы должны признать, что бутылка вина стоит дешевле, чем слон. Хотя иная бутылка перетянет стадо слонов.

Она вынула бутылку из пакета:

– Châteauneuf-du-Pape. Domaine Roger Perrin! Вы ясновидец или шпион. Я родилась в Сорге, это на полпути между Авиньоном и Шатонеф-дю-Пап. Я знакома с Роже Перреном. Мой отец хорошо знал тестя нынешнего владельца виноградников.

– Я не ясновидец и не шпион. Я ювелир из Гамбурга. Я подумал, что цвет этого вина, цвет зрелого граната, подойдет к вашему бирюзовому колье.

– Вино в душе, это, конечно, романтично. Но у меня нет бирюзового колье, оно слишком дорого. Более того, я забыла в Париже кольцо с топазом, а этот камень придает женщинам красоту.

– Так говорит энциклопедия камней. Кстати, топаз, кроме всего, камень следователей и тайных агентов.

– У Маты Хари был перстень с топазом?

– Увы, нет. Она предпочитала бриллианты и, как вы знаете, плохо кончила. Вообще вы, французы, к женщинам относитесь плохо. Мату Хари расстреляли. Жанну д'Арк вообще заживо сожгли на костре.

– Но чтобы освободить девушку непримерного поведения по имени Нини По-д'Шьен, мы взяли Бастилию и устроили революцию.

Я повертел кассету «Vive la France», нашел песню Аристиды Брюана. «À la Bastille». Когда-то во время московского фестиваля мы пели эту песню. В конце припева мальчишки спрашивали: «Кого мы любим?» Девчонки отвечали: «Нини По-д'Шьен». Мальчишки спрашивали: «Где она?» Девчонки отвечали: «В Бастилии». Потом все кричали: «На Бастилию!» И начиналось взятие Бастилии...

– Давайте выпьем за Бастилию. У каждого в жизни бывает Бастилия, которую он хочет взять.

Я вставил кассету в кассетник. «À la Bastille», – запел Дрюан, и я начал ему подпевать:

– À la Bastille on aime bien Nini Peau d'chien. Elle est si bonne et si gentille! (На Бастилию.

Мы любим Нини-под'шьен. Она красива и мила.)

Потом выключил магнитофон и, как тогда во время фестиваля, спросил:

– On aime bien, qui ça?

Алис засмеялась:

– Это напоминает мне студенческие годы!

И ответила:

– Nini Peau d'chien.

– Où ça?

– À la Bastille.

И в этот момент погасла единственная лампочка в салоне. Стало темно. Я разозлился:

– Не дали взять Бастилию!

Алис встала с кресла:

– Надо посмотреть, есть ли свет в спальне.

В спальне света не было тоже.

– Ваши спецслужбы нарочно выключили свет? – спросила Алис.

– Конечно. – Я подошел к окну. – Только они перестарались. Свет погас во всем городе.

– Бог мой. Если я не уступлю, они погасят свет во всей Африке!

Мы не заметили, и когда свет снова зажегся, и когда потом опять стало темно.

– Здесь такое часто бывает, – объяснила Алис. – Африка.

На следующий день в перерыве между заседаниями я подошел к Алис:

– Сегодня ты придешь ко мне.

Она широко раскрыла глаза:

– Ты с ума сошел! К мужчине в номер! За кого ты меня принимаешь?

– Но... – начал было я.

– Мы на конгрессе по ценным породам древесины, а не по обустройству ночных клубов.

– Я не знаю, интересуются ли владельцы ночных клубов древесиной, но специалисты по ценным породам деревьев иногда посещают ночные клубы.

– И все-таки я консервативна. Жду тебя у себя в номере. И скажи своим спецслужбам, что уже не надо выключать свет в городе. Снова будем петь «À la Bastille»?

– Нет, теперь мы перейдем на варьете. Я видел у тебя кассету Джонни Холлидея. «Que je t'aime». Очень ритмично и очень агрессивно. Quand l'ombre et la lumière dessinent sur ton corps (Когда тень и свет рисуют на твоём теле).

– Прекрати!

– Des montagnes, des forêts et des îles aux trésors. (Горы, леса и острова, где зарыты сокровища).

– Прекрати!

– Que je t'aime, que je t'aime, que je t'aime. (Как я люблю тебя! Как я люблю тебя!)

– Если ты не прекратишь, я тебя силой отведу в свой номер прямо сейчас.

С того дня после первого заседания мы шли в её номер. После ужина тоже.

Первой уехала Алис. Даже не попрощавшись. А я остался ещё на два дня. Меня снова пригласил гостеприимный торгпред. Пригласили и Котомцева, тот играл на пианино всё, что мы просили.

Глава четвертая. Урочище буревестников матриархата

13. Игра в полные рифмы

– Поклонник Песталоцци!

Это была Лиза. Я буквально столкнулся с ней, выходя из гастронома на Новом Арбате.

– Хорошо, что я вас встретила. Мы не закончили наш спор.

Я не имел ни малейшего желания продолжать спор и решил увести разговор в сторону:

– Вы сегодня хорошо выглядите.

На комплимент Лиза не среагировала:

– Завтра в семь пять я вас жду у выхода из метро «Новокузнецкая».

Я начал было говорить о том, что завтра...

– Тогда послезавтра.

Я понял, что она дойдет до следующего месяца, но все равно своего добьется. Поэтому решил не откладывать неприятности на потом:

– Пожалуй, лучше завтра.

На следующий день, как и тогда в Яунде, Лиза была точна:

– Вы на машине?

– Да.

– Здесь недалеко. Поехали.

– Не скрою, в прошлый раз вам удалось меня унижить, – начала она, усевшись в машину. – Теперь моя очередь унижить вас. Сегодня я введу вас в общество, где вы встретите людей, для которых Песталоцци, Шопенгауэр, в конце концов, даже Ницше – это только ступень познания, а не отправная точка мышления.

– Вы ведете меня в кружок любителей философии?

– Нет. И еще раз нет. Это люди, близкие к литературе: очеркисты, поэты, критики. Вам придется сопоставить свой компас общения со свободой общения этих людей. Я долго размышляла по поводу нашей последней встречи. Должна признаться, ваш пример со шпицрутенами меня убедил. Действительно, в тех социальных ячейках, где действует закон грубой силы, мужчина пользуется преимуществом.

Я припарковал машину в переулке, и мы направились к старинному семиэтажному дому.

– Должна вас предупредить. Каждому, впервые попавшему в эту компанию, предлагается пройти испытание. Например, произнести тост в честь какого-нибудь события. Поцеловать колени даме, с которой пришел, или даме, которая выбрана королевой вечера.

На старинном лифте мы поднялись на пятый этаж, позвонили. Нам открыл субъект в толстовке.

Я узнал этого человека. Это Тизанников. Я встречал его фотографии в наших оперативках. Диссидент. Печатает статьи за границей.

Мы вошли в огромную комнату, какие еще сохранились в старых домах. Кроме Тизанникова там сидели еще четверо мужчин и три женщины.

Лиза представила меня:

– Евгений. Специалист по Песталоцци.

– Это любопытно, – осмотрев меня с головы до ног, произнесла дама в шали и больших очках.

– Какой нынче экзамен для новичка? – спросила Лиза.

– Четверостишие в адрес дамы, с которой пришел, – ответил человек, постриженный под Олега Попова. – С обязательной рифмой к имени дамы. Рифма должна быть полной.

– Ему надо объяснить, что такое полная рифма. Он, наверное, не знает, – вмешалась дама в шали.

Знаю ли я, что такое полная рифма! Мы с сыном, когда он учился в школе, играли в рифмы. Такие рифмы придумывали! Теперь он пишет диссертацию «Рифмы у пролетарских поэтов начала века». Полная чушь.

– Мурзик, – распорядилась Лиза. – Приведи пример.

Щупленький парниша в ярком свитере и наглыми глазками отчеканил, тщательно выговаривая нужную букву:

*Есть за границей контора Кука.
Если вас одолеет скука
И вы захотите увидеть мир
Остров Таити, Париж и Памир.*

– Полная рифма – это когда согласная перед гласной, на которой основана рифма, совпадает, – пояснила дама в шали.

– Я могу вам помочь.

Это произнесла миловидная, ладно скроенная девица лет тридцати.

– Люба, не мешай гостю работать, – осадил ее человек в синем костюме и желтом галстуке, как позже выяснилось, ее муж.

Про меня забыли. Говорили о каком-то мне не известном философе.

– Простите, – прервал я их беседу. – А можно вместо одного четверостишия четыре?

– Нет уж, избавьте, – взорвалась Лиза. – Боюсь, и одного-то будет много.

– Ты бы, Лизавета, помолчала, – цыкнула на нее Люба.

Потом повернулась ко мне:

– А может быть, правда, одного хватит.

– У нас полная свобода творчества, – благодушно пропел человек, постриженный под Олега Попова. – Дерзайте, молодой человек.

Я как школьник вышел на середину комнаты.

– Полная рифма. Только полная рифма, – гаденько напомнил мне Мурзик.

– И, пожалуйста, не «подлиза». Ну, я вас прошу, только не «Лиза-подлиза». Хотите, встану на колени? – издевалась Лиза.

Я не ответил. И начал:

*Не за три эскудо,
И не по лендлизу
Мне невесть откуда
Выволокли Лизу!*

Общество замолкло. Тизанников смотрел на меня с удивлением, Люба от восторга открыла рот. Я продолжал:

От колен до лысин

Все горит внутри.

Я замолк, потом обратился к обществу:

– Подскажите рифму.

Молчание было мне ответом.

– Может быть, вы? – Это я спросил Мурзика. – Только, пожалуйста, полную. Это когда согласная перед гласной совпадает.

Он напряженно мыслил, а я начал четверостишие сначала:

*От колен до лысин
Все горит внутри,
Глажу профиль лизин
С бюстом минус три.
Волосы, как листья,
Ноги – низший класс.
Даже от безлизья
Не положишь глаз.
В отвращенье склизком
Сторонюсь я лиз.
Нет почтения лизкам
Хитрым, как Улис.*

Я закончил, а общество безмолвствовало, только Люба заплодировала.

– Вы работаете профессионально, – вяло констатировал Тизанников. – Вот только отношение к даме...

– Что вы! – показно удивилась Лиза. – Он и не такое может. Шпицрутенами.

И порешив более не уделять внимания моей персоне, они занялись своими литературными делами.

Элегантный субъект в очках и в галстук прочел стихотворение, из которого я запомнил только:

*Наш когда-то сильный пол.
Дамы мордой бьют о пол.
Наступила очередь Лизы:
Оденем мы солдат Диором
И манекениц в маршалы дадим.*

Я живо себе представил маршалом мою бывшую жену, манекеницу, и перед моими глазами предстали несчастные солдаты, которые, сбивая с ног ошалевшего неприятеля, бегут сдаваться в плен.

Терпел я до тех пор, пока человек, постриженный под Олега Попова, не продекламировал:

*Безо всякой корысти
Соревнуюсь в скорости.*

Я прислушался, потому как захотел узнать, в скорости чего он соревнуется. И когда услышал, что соревнуется он в скорости резки капусты, понял: мне пора уходить, иначе я могу совершить необдуманный поступок. Я спросил у Тизанникова:

- Какое испытание полагается тому, кто уходит?
- Снова четверостишие в адрес дамы. Только теперь даму он может выбирать сам. Люба вырвалась от мужа:
- Посвятите мне. Меня зовут Люба.
- Любовь Петровна, – вмешался ее муж.
- Я отошел в сторонку и минут через пять попросил внимания.

*Вы – находка для пен-клуба,
Скажет каждый коммерсант,
Вы в среде поэтов, Люба
Как Сафо или Жорж Занд.
Телеграфный столб – на бревна,
Злобных критиков – в острог.
А для вас, Любовь Петровна,
Серенада в восемь строк.*

Провожал меня Тизанников и элегантный человек в очках, тот, который предлагал дамам бить его мордой о пол. Люба, к удивлению и радости своего супруга, уткнулась в окно и проявила к моему уходу полное безразличие.

- Как вам у нас? – вежливо поинтересовался элегантный мужчина.
- Я бы назвал ваше общество урочищем буревестников матриархата, – ответил я и с облегчением вышел на лестничную клетку.

Когда через два дня в среду ровно в восемь я подходил к телеграфу, Люба уже ждала:
– Я сразу все поняла. Какой ты молодец! Даже Пушкину не удавалось в присутствии мужа назначить свидание жене. В среде поэтов. Я догадалась, «в среду». Восемь строк. В восемь. Телеграфный столб. У телеграфа!

И мы поехали в мою холостяцкую квартиру.

– Пушкин израсходовал все рифмы на «Евгений», – верещала по дороге Люба. – А я нашла новую. И какую! Полную!

*Лонова Евгения
Очень любит Кения.*

– Во времена Пушкина Кении не было, – счел я долгом встать на защиту великого русского поэта.

– Не было, – согласилась Люба.

Мы подъехали к моему дому. Игра в полные рифмы закончилась.

14. О пользе частного извоза

Прошло полгода. Однажды я припарковал машину возле ресторана «Гавана» и решал вечную субботнюю задачу холостяка: купить полуфабрикаты или идти обедать в ресторан. В кубинский ресторан идти не хотелось. Я так углубился в размышления, что не заметил, как на сиденье рядом плюхнулась дама:

– Шеф, мигом во Внуково. В накладе не останешься.

Это была грузная особа лет тридцати пяти.

- Вылезай, не то отвезу в милицию.
- Если не поедешь, начну кричать, скажу, что ты меня пытался изнасиловать.
- Не поверят.
- Поверят, не поверят, но скандал будет.
- Чего тебе во Внуково приспичило? Груз апельсинов пришел?
- На самолет опаздываю. Пожалуйста. Как приедем, на колени встану.
- «А что? – подумал я. – Пообедаю во Внуково. Там хороший ресторан».

И включил зажигание. Пассажирка повеселела:

- Я тебе сказала, в долгу не останусь.

И начала объяснять, что у нее сломались часы, а подруга ждет. Словом, все, что рассказывают в таких случаях. Потом спросила:

- Вы женаты?
- Разведен.
- Вы ушли от жены?
- Ушел.
- Она зарабатывала больше вас?
- Странный вопрос.
- Это не так. Бабы теперь и финансово, и физически солидней этих интеллигентских хлюпиков с хилыми бицепсами и мизерной зарплатой.

- Вы замужем?

– Да. Третий раз. Первый был мальчик, такой молоденький-молоденький и такой глупенький-глупенький. Представляете, моей матери в присутствии ее хахаля посоветовал убирать морщины на лице мазью от геморроя. Так я ему после этого устроила такую жизнь, что он стал употреблять эту мазь по основному назначению. Прогнала я его. А второй была надежда кораблестроения. Какие он строил корабли, не знаю. По-моему, если он что-нибудь и построил, то это должно было утонуть. Он ничего не умел делать. Ничего. Его мама приходила к нам вешать картины и чинить унитаз. Терпела я, терпела, а потом подарила его своей подруге.

- Ну, и третий?
- Пьет, хулиганит, дебоширит, дерется, всё пропил.
- И вы его подруге...
- Да кому он нужен! Но вы знаете, нет худа без добра. За эти полгода, что я с ним, я похудела, не поверите, на одиннадцать килограммов. Раньше никакая диета не помогала.
- Но ведь бьет, – начал было я.
- Вы, мужчины, ничего не понимаете. Похудела на одиннадцать килограммов. Можно и потерпеть.

- Но ведь всё пропил.
- Верно. Даже мое ночное белье.
- И как же вы без белья?
- Вы интересуетесь моим бельем? Тогда на обратном пути. Вернусь через неделю. Адресок оставить?

- Не надо. Умру отшельником.
- Я остановил машину у входа в аэропорт.
- Ой, спасибо.

И выскочила.

Я отъехал несколько метров, потом вспомнил «в накладе не останешься» и открыл бардачок. Так и есть. Десятирублевая купюра. Это уж слишком. Я подрулил к милиционеру, дежурившему около входа. Показал удостоверение:

- Поставь где-нибудь машину.
- Все понял, товарищ полковник. Все будет в порядке.

Сжимая в ладони десятку, я ринулся в здание аэропорта искать пассажирку. Но куда там! На меня налетела какая-то дама с двумя сумками. И принялась на меня же кричать:

– Взрослый мужик, а хулиганишь!

Я поискал, поискал, потом вздохнул и положил заработанную частным извозом десятку в карман.

– Ой, Женя! Рада тебя видеть!

Люба. С ней здоровый парень.

– А мы на юг. Это мой новый супруг. Его зовут Аркадий.

Я не видел Любу уже несколько месяцев и об изменении ее семейного положения информирован не был. Не дав мне времени на вполне законное удивление, Любовь представила меня своему новому спутнику жизни:

– Это мой старый знакомый. Евгений. Он служит в торгпредстве, покупает в Африке красное дерево. Прекрасный поэт. Мастер полной рифмы. А ну-ка, Женя, полную рифму к «Аркадий».

Я долго не думал:

– Аркадий... сидел на кухне с Катей.

– С какой Катей? – насторожился Аркадий.

– С Банщиковой, – агрессивно вступила Люба. – Банщикова на кухне трахал!

Аркадий принялся поспешно оправдываться:

– Я... никогда. С этой короной.

«Чудеса, – восхищался я про себя, – надо же! Попал в точку».

Аркадий продолжал оправдываться, а я решил перевести разговор на другую тему:

– Как там наши общие знакомые?

– Я туда больше не хожу. Они стали совсем чокнутыми. Женя, скажи мне честно, тебе нравится, когда тебя бьют ремнем по жопе?

– Не знаю, не пробовал. Но думаю, не нравится.

– И мне не нравится. А они там такое вытворять начали! И знаешь, что противно. Лизка достала какое-то снадобье. Наркотик вроде. У нее брат – химик. Всем в лимонад по капельке, и народ начинает такое вытворять!

Аркадий показал на часы.

– Идем, идем, – заторопилась Любовь. – Ты знаешь, Женя, забудь про них. Скажу тебе по секрету. У Лизки брат в органах работает. С ним шутки плохи.

– Мы опоздаем на самолет, – торопил Аркадий.

– Идем, идем. А ты, Аркадий, покажи Евгению, что понимаешь шутки, и улыбнись на прощание.

Аркадий улыбнулся. Его улыбку я бы расшифровал как «Представится случай, съем».

Они ушли, а я отправился в кафе, где пропил честно заработанную десятку: суп-харчо, отвратительный шницель, кофе, два позавчерашних пирожка и, доплатив свои два рубля, купил бутылку коньяка на вынос.

Надо бы при случае удостовериться, размышлял я по дороге домой, действительно ли брат Лизы служит у нас.

Такой случай представился через неделю. По делам я приехал во Второй консульский отдел, где хранятся анкеты всех выезжавших за границу. Я помнил фамилию Лизы – «Пименова» и запросил ее анкету.

Через полчаса мне принесли два листочка, заполненные аккуратным школьным почерком. Читаю. Фамилия – «Пименова», девичья фамилия – «Семицветова».

Люба не ошиблась. Семицветов, судя по всему, брат Елизаветы, действительно наш сотрудник. Более того, мир тесен, я с ним знаком. Лет десять назад Игорь Семицветов работал в Перу, а я из Италии поставлял ему химические лаборатории. В прошлом году я встретил его в ГУМе, он мне рассказал, что его перевели под ширму в какой-то химический институт. Теперь понятно, откуда у Лизаветы снадобье.

Подошел сотрудник отдела:

– Евгений Николаевич, вас просят вернуться на работ у.

– Вышло решение, – приветствовал меня Колосов. – Полетишь по маршруту: Бразавиль – Женева. Нужно перевести деньги от Габонского рудника в Женеву.

– Деньги большие, не боишься, что я – в сторону? Пальмы, загорелые девицы.

– И рядом труп с пулей во лбу.

– Убедил. Загорелых девиц найду по месту работы. А вместо пальм – фикус в библиотеке и библиотекарьша Аделаида Кузьминична.

Я знал, что библиотекарьшу Аделаиду Кузьминичну мой непосредственный, как бы сказать помягче, недолюбливает. Яркая дама лет сорока, агрессивная поклонница Кандинского и Метерлинка, она как-то на собрании упомянула его фамилию среди тех, кто интересуется только детективами и не читает настоящую литературу.

– Да, – понимающе вздохнул он. – Лучше пуля во лбу, чем в библиотеке с Аделаидой Кузьминичной.

– И рядом – фикус, – дорисовал я картину.

Далее нецензурно.

Перед самым отлетом Вера Сумарокова рассказала мне, что Аркадий бросил Любу и женился на Банщиковой...

Прошло двадцать лет (смотри «Валютный извозчик» и «Тень наркома»)

Часть вторая. Замок баронессы Морнингтауэр

Глава пятая. Времена меняются, люди остаются

15. Снова «Мефистофель»

Когда Билл прилетает в Орландо, он останавливается в «Пибоди Отель». Таких «Пибоди» в США два: основной – в Мемфисе, другой у нас в Орландо. Отель известен утками. Живыми. Каждое утро их привозят на лифте и провожают в бассейн в главном холле. Каждый вечер увозят. Туристы любят смотреть, как они важно дефилируют через холл по красной ковровой дорожке.

Билла утки не интересовали. Он сидел в баре, пил капучино и читал французскую газету, на первый взгляд «Ле Монд», что было странно, ибо в знании французского ранее замечен он не был. Я подошел. Он отложил газету и посмотрел на часы:

- Сегодня все опаздывают на двадцать минут.
- Не ворчи. Как долетел?
- Нормально.
- Ты по делам или посмотреть аттракционы?
- По делам.

Он поднял с пола портфель, вынул из него несколько фотографий. Протянул одну мне:

– Ты его знаешь?

– Знаю. Это Тизанников. Встречались в одной компании. Лет двадцать назад. Он тогда был диссидентом. Потом несколько лет провел за решеткой, был выслан из России, обосновался во Франции. В Россию возвращаться вроде бы не собирается. С московских времен мы не виделись. О чем не сожалею. А в чем, собственно говоря, дело?

Он протянул мне еще две фотографии. На первой был изображен Тизанников в форме советского майора. Причем очень непонятных войск. На другой тот же Тизанников в милицмейской форме и теперь уже полковник.

- Как ты это объяснишь?
- Маскарад. Ничего, кроме маскарада.
- Он не мог выполнять какие-нибудь задания новой власти?
- Сильно сомневаюсь.
- Тогда смотри еще.

Снова Тизанников. Только теперь в форме эсэсовца. Я не изменил мнения:

- Вот видишь, явно маскарад.
- Смотри дальше.

Следующая фотография была, как бы сказать поприличнее, странная. Голые женщины среднего возраста, на вид достаточно интеллигентные, и Тизанников рядом с плеткой.

– Ну и как? Удивился?

– Нет. Лет двадцать назад одна моя знакомая рассказывала про компанию, которая развлекалась подобным образом. В эту компанию тогда входил и Тизанников. Идиоты. И извращенцы... Откуда у тебя фотографии?

- Недели две назад какой-то человек прислал их в «Ле Монд».
- Зачем ты мне их показываешь? Хочешь доказать, что Тизанников плохой человек?
- Дело не в Тизанникове.

Он вытащил из портфеля еще одну фотографию. Снова голые женщины и Тизанников. Только теперь рядом с ними дама в белом халате; в одной руке она держит бутылку «спрайта», в другой флакон, из которого что-то капает в стоящий на столе бокал.

– Ну и как? Какие у тебя мысли?

Я вспомнил слова Любы про снадобье, которое доставала Лизавета. Всем в лимонад по капельке, и народ начинает такое вытворять!

– Какие у меня мысли? Скорее всего, у нее во флаконе какое-то психотропное средство.

– Я тоже так думаю. Посмотри, какие лица у этих женщин. Они явно под действием наркотика.

– Похоже.

– Это может быть «Мефистофель»?

– Вполне. Я даже догадываюсь, откуда он у них. Брат одной дамы из их компании работал в химическом институте. Я знал его. Мой бывший коллега, фамилия его Семицветов. Он имел контакты с наркодельцами в Перу. Потом его вернули в Москву и перевели на работу в химический институт. Покажи еще раз фотографию.

Тизанников и дама с флаконом в белом халате. Уж не Лиза ли? Похожа. Интересно было бы с ними побеседовать.

– Я думаю, мне неплохо слетать в Париж. Я знаком с Тизанниковым, знаю Париж.

– Шеф тоже считает, что кроме тебя никто в этом деле не разберется. Полетишь?

– Полечу.

– Вот и отлично. Сколько тебе надо дней для подготовки? Время, конечно, есть, но...

– Дня три-четыре.

– Будешь готовиться здесь, в Орландо?

– Да. Мне нужен только компьютер.

– Это ты молодец, что освоил компьютер. А я никак. Марина тебе помогает?

– После того как я перевел всё в наш центральный офис в Орландо, она только и делает, что мотается между Тампой и Майами. На наши дела времени нет. Как Карина? Доволен?

Карина – это наша дочь. Она учится в Вашингтоне в Georgetown University и работает у Билла.

– Доволен. Вся в мать.

– То есть шуток не понимает.

– Не без этого. Когда сможешь лететь?

– Сегодня среда. Думаю, в начале следующей недели. Во вторник.

– С каким паспортом полетишь?

– Как частное лицо с бразильским паспортом. Визу получу во французском консульстве в Майами.

– Я завтра доложу шефу.

– Сделай мне билет первого класса Рио – Майами – Париж, заказанный из какой-нибудь гостиницы в Рио.

Я знал, что разрешение на первый класс нужно получать у очень высокого начальства, на это уйдет время, поэтому добавил:

– Разницу между билетом первого класса и эконом-класса я оплачу.

– Что еще?

– Подготовь мне надежный выход на журналиста из «Ле Монд».

– Подготовлю. Когда ты был в последний раз во Франции?

– Лет двадцать назад.

– Французский не забыл?

– У меня есть метод. Для того чтобы восстановить разговорный язык, нужно поболтать минут пять с несколькими носителями языка. Поэтому, когда я приезжаю в страну, набираю случайный номер по телефону и задаю вопрос по поводу какой-нибудь глупости.

– Глупости?

– Глупости. Но разговор завязывается. Иногда даже знакомство. Однажды я спросил: «Это мастерская по ремонту парашютов?» Оказалось, я попал в парикмахерскую для собак, и какая-то дама сначала выясняла, какая у меня собака, а потом пригласила на уик-энд к себе на виллу. Проверенный метод.

Я не стал рассказывать, что мой непосредственный был тогда очень недоволен: «Доиграешься. Мастерская по ремонту парашютов... Тебя примут за диверсанта, спустившегося на парашюте, и посадят. И мне придется ловить какого-нибудь туриста, чтобы на тебя обменять».

На следующий день Билл позвонил из Вашингтона:

– Я только что от шефа. Он определил твои задачи. Запоминай. Ты должен узнать, что за психотропное средство употреблял Тизанников. Каковы его запасы? Где находятся запасы? Кто распоряжается этими запасами? Как можно уничтожить эти запасы? Ничто другое нас не интересует. Если им нравится, что их быют по заднице, это, в конце концов, дело вкуса. Пусть этим занимаются французы. Теперь корреспондент «Ле Монд». Его зовут Дидье Шаплон. Выйти на него проблем не будет. Он нам помогает. Представись «леопардом». Подойдет?

– Подойдет. Узнай три-четыре номера телефонов каких-нибудь корреспондентов в Париже. Пригодятся для маскировки.

– Понял. Фотографии возьмешь?

– Нет. Если понадобятся, попрошу выслать.

– Как с визой?

– Завтра поеду в Майами.

– Прикрытие в Париже нужно?

– Нет.

Визу я получил быстро, какие могут быть вопросы к богатому бразильскому предпринимателю!

Дома два дня не отходил от компьютера. Билл еще раз позвонил в пятницу:

– Ты просил номера телефонов парижских журналистов. «Паризьен», заведующий литературным отделом Анри Дешам. «Фигаро», Эрнест Дюга. «Экип», Жюль Лекок. Подойдет?

– Подойдет.

– Тогда записывай номера их мобильных телефонов.

– Как с билетом?

– Рейс из Майами в Париж во вторник в семнадцать сорок. Билет заказан из «Хилтона» в Сан-Пауло. В Париже будешь в восемь сорок пять.

– Как я получу билет?

– В три сорок у регистрации тебя будет ждать Алекс. Помнишь его?

– Помню.

Утром в среду я предъявлял паспорт гражданина Бразилии Эуженио Сокраменту полицейскому инспектору в парижском аэропорту Шарль де Голль.

16. «Веселая Амазонка»

Париж встретил меня проливным дождем.

– Давно у вас такая погода? – спросил я, усаживаясь в такси.

– Уже с неделю, – вздохнул таксист.

– Авеню Реомюр. Архитектурное бюро Берже.

– Третий округ? – уточнил таксист.

– Да. Недалеко от метро Сантье. Найдете?

– Найду.

– Архитектурное бюро Берже, – повторил я. – Хочу полностью перепланировать свою виллу в Авиньоне. Мне рекомендовали этого Берже.

– Сейчас без рекомендаций нельзя. Очень много мошенников.

Виллы в Авиньоне у меня не было, и в рекомендациях господина Берже я не нуждался. Мне нужен был оздоровительный центр «Веселая амазонка». С него я хотел начать свой визит в Париж. В Орландо по интернету я узнал, что центр по-прежнему функционирует и что хозяйкой по-прежнему является мадам Асия Бубакар. Прямо говорить таксисту, куда я еду, я не хотел, поэтому еще в Орландо нашел на карте Парижа расположенное в двух шагах от «Амазонки» «Архитектурное бюро» некоего Берже, куда и попросил теперь себя довезти. Конечно, синьор Сокраменту вряд ли заинтересует французскую разведку. Но, если заинтересует, то господина Берже ожидает скучная беседа по поводу виллы в Авиньоне.

Зонтов я никогда не любил, поэтому пришлось бежать, подняв воротник плаща. Сначала по авеню Реомюр, потом по авеню д'Абукир. Еще один поворот – и перед моими глазами появилась вывеска на медной доске: «Веселая амазонка».

Не без трепета душевного вошел я в приемную и остановился. Тот же холл, что и почти двадцать лет назад, тот же запах хлорированной воды. Какая-то женщина стояла ко мне спиной и смотрела в окно.

– Простите. Я хотел бы видеть мадам Асю.

Дама повернулась:

– Евгений... Ты откуда?

Это была Ася. Небесного цвета, застегнутая на все пуговицы, шелковая рубашка с серебристыми искорками, синие до колен джинсы... Она выглядела молодой, подтянутой. И подскочила ко мне. Несколько минут объятий.

– Как это вам, мужикам, удается?! Лет двадцать прошло, а ты такой же. И я тоже стараюсь.

– У тебя это получается.

– Ты к нам надолго?

– Еще не знаю. Ты по-прежнему владеешь этим замечательным заведением?

– Не только этим. У меня такие же в Лионе и Марселе. Недавно открыла два комплекса в Москве. Ты знаешь, я теперь стала такая патриотка!

Она осмотрела меня с головы до ног.

– Да на тебе нет сухого места! Не хочешь в душ? Я в этот комплекс вложила столько денег! В прошлом году переделала весь бассейн и установила новые души. У меня есть душ «неожиданность». Мои матроны его обожают. Сильная струя начинает бить в самые неожиданные места. Раздевайся. А одежду посушу.

– Да я не промок, – вяло отнекивался я. – Только плащ.

– Снимай плащ.

Я снял.

– Теперь снимай пиджак и брюки. И не стесняйся, если что за годы усохло. Снимай ботинки и носки.

Я послушно снял пиджак, брюки, рубашку, ботинки и носки. Остался в одних трусах. Ася потрогала трусы.

– Сухие. Оставайся в трусах.

Она взяла мои вещи, ушла. Быстро вернулась.

– Через десять минут все будет сухое. И поглаженное. Так ты, правда, ненадолго?

– Ненадолго. У меня к тебе просьба. Связанная с некоторым нарушением закона.

– Готова. Я теперь такая патриотка...

– Нужно приобрести чужую собственность.

– Украсть, что ли? Чертежи? Это очень интересно. Куда ты их спрячешь? – Она осмотрела меня с головы до ног. – Разве что под трусы. Места хватит?

Она захохотала.

– Мне нужна симка от местного телефона. Любая симка.

– Ну, ты, Евгений, удивил. Иди сюда.

Она подвела меня к стоящему в углу сейфу. Открыла дверцу.

– Это склад забытых вещей. Что только не забывают после процедур! Не поверишь, Евгений, у меня с полдюжины забытых трусов. Вот такая у меня публика! Без трусов уходят. А уж бюстгальтеры! Не хочешь парочку для коллекции «дама бежала, оставив бюстгальтер»?

Она вытащила несколько бюстгальтеров.

– Объемные у тебя дамы.

– Это верно. В теле. И все стараются похудеть.

– Но мне нужен телефон.

– Телефоны как раз забывают чаще всего. Иди сюда и не толкайся бюстом.

Она подвела меня к еще одному сейфу, на этот раз маленькому.

– Здесь вещи, забытые год назад, а то и больше. Выбирай любую мобилу.

Я взял небольшой «Самсунг». Повертел в руках.

– Но его надо немного подзарядить

– Зарядим. У меня есть устройство для быстрой подзарядки.

Она нажала кнопку. Появился человек восточной внешности.

– Заряди телефон, – распорядилась Ася.

Человек взял телефон и удалился.

– Вроде бы неудобно, – застеснялся я. – Я в таком виде...

– Здесь и без трусов удобно. Ты где остановился?

– У меня заказан номер, – обманул я.

– У меня есть два отеля. Один в Шантильи, недалеко от замка.

– Там был отель у Марка.

– Это тот же самый. Я у него купила! Он со своими делишками попал в историю. Потерял все деньги, продал мне отель и теперь работает у меня в Лионе. А что с ним произошло, Евгений, такого врагу не пожелаешь. Я тебе расскажу. Дамы у меня здесь все солидные и, как похудеют, начинают интенсивно интересоваться мужским полом. Так Марк, чтобы от него отстали, говорил им, что он гомо. Гомо так гомо. Кому какое дело. А у него были кредиторы, еще по старым делам. Словом, один босс пригласил его к себе на виллу. А там было пять мужиков, и все гомо. У них вроде бы было гомопарти. Ты себе представляешь, Евгений, они любили Марка три дня. Он пришел потом как тростиночка, нервный и впечатлительный. И все время вздрагивал. Понимаешь, три дня! И вот что, Евгений, интересно. После этого, как бы сказать, мальчишника, он записался в какую-то секту и по вечерам поет песни. А ведь точно, после такого запоешь. Три дня... Так ты, правда, ненадолго?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.